

**александр
пелевин**

**КАЛИНОВА
ЯМА**

Александр Сергеевич Пелевин
Калинова Яма
Серия «Во весь голос»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31189241

*Калинова Яма: SelfPub;
ISBN 978-5-907641-48-8*

Аннотация

Роман Александра Пелевина «Калинова Яма» – шпионский ретро-детектив и одновременно мастерски сочиненный фантастический триллер, в котором не провалить явку и скрыться от преследователей герою предстоит не только наяву, но и во сне.

Содержание

I	5
II	42
III	83
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Александр Пелевин

Калинова Яма

© Пелевин А. С., 2023

© ИД «Городец», 2023

I

Хамелеон

– Дин-дон, дин-дон, звенят колокольчики в небе, птицы щебечут серебряным голосом, солнце ушло, чтобы завтра вернуться; спи, и во сне ты увидишь, как в речке вода превращается в лунное золото. Сядь на берег, посмотри на месяц и жди. Дин-дон, дин-дон, звенят колокольчики в небе над речкой, птицы уснули, и солнце уснуло, и ты засыпай.

Старуха сидела у моей кровати, горела свеча, у меня был жар; она говорила размеренно, тихо, скрипуче-протяжным голосом, ласковым и усыпляющим шепотом. В голове все плыло, и пламя свечи извивалось, как ведьмин язык на старинной гравюре в моей детской книжке. Веки мои тяжелели, капли тяжелого пота текли по горящим вискам. Пересохли искусанные губы, и я слышал свое тяжелое дыхание и голос старухи:

– Кошки уснули, собаки уснули, совы уснули, и рыбы в пруду засыпают. Только не спят колокольчики в небе, они говорят тебе: «Спи». Они говорят тебе: «Дин-дон, дин-дон, спи, засыпай, ждет тебя речка, и берег, и лунное золото». Тени уже не придут, никогда не придут; слышишь, об этом поет за окном соловей. Спи, засыпай, и во сне ты пойдешь за околицу, к речке, на берег, и месяц тебе улыбнется; спи, засыпай.

И в моих закрытых веках поднялся густыми клубами черный туман, а сквозь него улыбалась луна. И голос старухи звенел колокольчиком, пел соловьем, шелестел тихим ветром в листве.

И во сне я вышел на берег, и вода в реке превратилась в лунное золото.

Из рассказа Юрия Холодова «Бирюзовая ночь»

* * *

ВЫПИСКА

из протокола допроса подозреваемого в шпионаже
Гельмута Лаубе от 24 июня 1941 года

Вопрос. Назовите ваше имя, фамилию, дату и место рождения.

Ответ. Гельмут Лаубе. Родился 22 июля 1905 года в городе Оренбурге.

Вопрос. Назовите имена, фамилии и род занятий ваших родителей.

Ответ. Отец – Рудольф Карлович Лаубе, адвокат. Мать – Ольга Николаевна Беккер, учительница.

Вопрос. В каком году ваша семья уехала из России?

Ответ. В 1915 году мы переехали в Петроград. В ноябре 1917 года эмигрировали в Берлин.

Вопрос. Когда вы начали работать в германской разведке?

Ответ. В сентябре 1936 года я поступил на службу во второй отдел абвера, с 1938 года работал в СД.

Вопрос. Вы можете рассказать, что произошло 17 июня на станции Калинова Яма?

Ответ. Я не помню.

* * *

Москва, 12 июня 1941 года, 11:30

– Товарищ Сафонов! Товарищ Сафонов! – закричала загорелая девушка в бежевом платье, заведя в конце трамвая высокого мужчину в темно-серой клетчатой кепке набекрень и белой рубашке с закатанными рукавами. Одной рукой он держался за поручень, в другой держал саквояж из коричневой кожи. Девушка пыталась протиснуться к нему через толпу стоящих в вагоне людей. Мужчина обернулся и посмотрел в ее сторону невзрачными серыми глазами: на вид ему было чуть больше тридцати, из-под кепки выбивалась прядь пшенично-светлых волос, а на впалых щеках поросла мелкая однодневная щетина.

– Я вчера прочитала вашу заметку о нашей секции плавания, – заговорила девушка, пройдя через вагон. – И увидела свою фотографию! В газете! Я показала ее маме, она очень радовалась.

Сафонов удивленно поднял бровь, и от этого на его лбу выгнулась глубокая морщина. Немного подумав, он улыбнулся одним уголком рта и ответил:

– Да. Я вспомнил вас. У вас действительно замечательная секция, вы молодцы.

– Я просто еду на учебу и совершенно случайно узнала вас! Спасибо вам за заметку, мы все так гордимся! Я так расстроилась, что не победила в заплыве, а потом прочитала газету, и это было э-э-э... очень неожиданно и приятно.

– Не за что, – ответил Сафонов. – Я всегда рад написать что-нибудь хорошее о красивых спортивных девушках.

Его собеседница слегка смутилась, но затем вновь рассмеялась:

– Олег Сергеевич, да? Меня зовут Светлана.

– Я помню. – Сафонов вновь улыбнулся одним уголком рта. – Тихомирова, верно?

– У вас очень хорошая память. А вы далеко едете? Может, нам по пути?

– Я выхожу на следующей остановке у Театрального проезда, мне в «Метрополь». Нет, не подумайте, это по работе, – смущенно добавил он, увидев неподдельное восхищение в глазах девушки после упоминания ресторана.

– Какая интересная у вас работа! А мне дальше. – Девушка поняла, что ее восхищение слишком очевидно, и отвела взгляд, но от этого ее поведение стало еще более игривым.

Трамвай подъехал к остановке и с лязгом затормозил.

– Мне пора. Приятно было снова увидеть вас. Может быть, еще встретимся, – улыбнулся Сафонов.

– До свидания!

Сафонов соскочил с подножки, вдохнул свежий уличный воздух, повел правым плечом, будто отгоняя назойливое насекомое, и быстро зашагал по мостовой. Обернувшись, он увидел, что девушка машет ему, и поднял руку ей в ответ. Трамвай тронулся. Продолжая улыбаться, Сафонов направился в сторону «Метрополя».

«Ее фотографию выбрал не я, – заметил про себя Сафонов, – а редактор. Впрочем, это не важно. Такая милая девочка».

Три дня назад журналист Олег Сафонов писал для «Комсомольской правды» заметку о женской секции плавания при городской морской школе ОСОАВИАХИМа. Это было действительно интересно: девушки от шестнадцати до двадцати трех лет соревновались в заплыве на скорость, первое место заняла школьница родом из Бреста – ее звали Маша, – а на втором месте оказалась как раз Светлана Тихомирова, и сфотографировать пришлось именно ее, потому что победительница получила цветы и быстро куда-то убежала.

Сафонов любил писать о соревнованиях. Это было интереснее, чем заседания горисполкома или очередные вести с полей из Подмосковья. «И люди там сговорчивые», – подумал он и почему-то опять улыбнулся.

У двери ресторана он достал из кармана брюк портсигар с витиеватым восточным узором, подаренный ему месяц назад молодым журналистом из Ташкента. Вытащил папиросу – это был купленный накануне утром «Алжир», и от пачки

осталось всего четыре штуки, – перегнул пальцами, зажал в зубах и, чиркнув спичкой, закурил. До назначенной встречи оставалось пятнадцать минут. Сафонов всегда приходил заранее.

Лето выдалось жарким. Полуденное солнце расплывалось золотистыми бликами в витринах, над брусчаткой сгущался нагретый воздух. Почувствовав, что волосы совсем взмокли под кепкой, Сафонов снял ее и убрал в саквояж. Провел рукой по мокрому лбу. Затянулся папиросой. «Хороший день, – подумал он. – Надо будет выпить пива. В „Метрополе“ подают хорошее темное. Но потом. Все – потом».

«А еще, – подумал Сафонов, – надо будет спросить у Кестера, остались ли у него нормальные сигареты». Он мог привыкнуть ко всему, в том числе и к этому ужасному терпкому вкусу папирос, все время норовивших погаснуть после каждой затяжки, но хороших сигарет не курил уже очень давно.

Сафонов докурил, выбросил папиросу, снова поправил рукой сползающую на лоб взмокшую прядь и вошел в ресторан. Сразу стало прохладно.

В зале почти никого не было, только в дальнем углу сидели четверо уставших интуристов в промокших рубашках и с широкими пестрыми галстуками. Они потягивали пиво, лениво переговаривались на английском с американским акцентом и явно не хотели уходить из прохлады ресторана в московскую жару.

Сафонов сел у забронированного столика возле окна, поставил саквояж на пол, поздоровался с официантом и заказал кофе.

За окном была ленивая полуденная Москва. Прохожих было мало, машин – еще меньше. Разомлев от жары, толстяк в белом пиджаке медленно и вальяжно шел с тросточкой по тротуару, за ним неторопливо гуляла под ручку молодая пара: рослый бритоголовый парень, видимо, спортсмен, и смуглая девушка с азиатскими скулами. У колонн Большого театра выстроился отряд курсантов.

Ровно в двенадцать часов в ресторан вошел низкорослый седовласый мужчина, одетый в серую тройку, с прямой осанкой, в круглых очках и с сухим, морщинистым лицом. Он вежливо улыбнулся официанту, снял шляпу и неторопливо зашагал к столику, за которым сидел Сафонов.

– Добрый день, – сказал посетитель с сильным немецким акцентом.

– День добрый, товарищ Кестер.

Они пожали друг другу руки.

Собеседником Сафопова был Клаус Кестер – советник германского посольства в Москве. Он сел за столик, позвал официанта и тоже заказал кофе.

– Предлагаю после интервью выпить по кружечке холодного темного пива, – сказал Сафонов. – Погода располагает.

– Погода или общение со мной? Пиво – немецкое национальное достояние. Разве русские не пьют водку в любую по-

году? – улыбнулся Кестер, и вокруг его глаз появились тонкие морщины.

– Безусловно, – с такой же вежливой улыбкой ответил Сафонов. – А еще у нас по улицам гуляют медведи. Будете на Красной площади – обязательно понаблюдайте. Только осторожнее: они очень опасны. Еще водку пить заставят.

Кестер рассмеялся:

– Вы мне нравитесь, Олег. Когда вы берете у меня интервью, я отдыхаю сердцем. Ваше руководство не думает повысить вас?

– Пока об этом речи не идет. Но если вы позволите, давайте перейдем непосредственно к интервью. – Сафонов достал из саквояжа блокнот, вытащил из кармана рубашки ручку и приготовился записывать.

– Да, конечно. – Кестер взял со стола салфетку, отер вспотевший лоб, затем снял очки и их тоже протер, снова надел очки и отхлебнул кофе. – Вы хотели поговорить о сотрудничестве в сфере истории и культуры, насколько я помню?

– Да, именно. Вы упоминали о каких-то мероприятиях в сфере совместного изучения истории наших народов. Можно подробнее?

– Здесь очень много интересного, – Кестер говорил медленно и размеренно, с долгими паузами между предложениями. – Скажем, еще в прошлом месяце при посредничестве посольства удалось достичь договоренности между советскими и германскими археологами. Дело в том, что в Герма-

нии в последние годы наблюдается повышенный интерес к теме дохристианских религиозных верований. Наши советские коллеги тоже интересуются этой темой, но, к сожалению, языческая религия славян оставила очень мало памятников, по которым ее можно реконструировать. Отчасти это объясняется тем, что у славянских племен были распространены в основном деревянные изделия, что уже говорит об их недолговечности. Добавим к этому – как это по-русски – перегибы в христианизации Руси, в результате чего сильно пострадала устная традиция. Наши германские археологи предложили коллегам из СССР помощь в раскопках на территории Новгородской области. Также мы пригласили советских ученых в экспедицию на остров Рюген, где, по многим данным, славяне побывали раньше германцев. Коллеги выразили большую заинтересованность в этом проекте, и надеюсь, что наше сотрудничество в данной сфере будет длительным и плодотворным.

– Когда планируется поездка?

– В конце лета или начале сентября.

– Спасибо. Как вы считаете, насколько возможен подобный исторический проект в нынешних непростых условиях? В Европе война.

– Уверен, до острова Рюген война не доберется. Я являюсь твердым последователем мирных и добрососедских отношений с Советской Россией. Мы должны развивать сотрудничество во всех сферах, и особенно, на мой взгляд, в изуче-

нии истории. Прошлое сближает в настоящем.

– Полагаете, наши народы тесно связаны историческим прошлым?

– Разумеется. Наша история неоднократно соприкасалась и сочеталась в самых причудливых вариантах. Хочется надеяться, что впредь мы будем сотрудничать на благо нашего общего будущего.

– Планируются ли какие-то мероприятия в сфере культуры и искусства?

– Конечно. Я даже не смогу сейчас вспомнить все проекты, к которым мы готовимся... Скажем, в июле мы хотим дать в Москве концерт джазовых музыкантов из Германии. В сентябре в Мюнхене запланирован большой фестиваль народных песен, на который мы уже пригласили творческий коллектив из Архангельска. Я слышал их песни – в них непередаваемое очарование Русского Севера, которое, я уверен, найдет свое место в сердцах немецких слушателей.

– Вам нравятся русские песни?

– Конечно. Я помню, как меня поразила до глубины души песня об умирающем в степи... как это...

– Ямщике?

– Да-да. «Степь да степь кругом, путь далек лежит, в той степи глухой умирал ямщик».

– Очень мрачная песня.

– Мы, германцы, любим трагизм. Это у нас в крови. Трагическое величие смерти всегда было любимой темой наших

поэтов и музыкантов.

Кестер допил кофе, подозвал официанта и попросил принести еще. Сафонов оглядел зал: в ресторане по-прежнему никого не было, кроме уставших американцев. Один из них, судя по всему, был готов уснуть прямо за столом.

– А, да, – продолжил Кестер. – Еще мы договорились с ногинским заводом о выпуске серии грампластинок немецких исполнителей. Марика Рёкк, Эрик Хелгар, Ханс Бунд – скоро вы сможете купить их в Москве в новейших изданиях и в хорошем качестве.

– К слову, Ханс Бунд у нас уже выпускался. У меня есть пара пластинок. Но разве джаз в Германии сейчас не подвергается остракизму?

– А в Советском Союзе? – улыбнулся Кестер.

– Как сказать... Все равно эту музыку любят и слушают. – Сафонов слегка смутился и вычеркнул что-то в блокноте.

– Вот так же и у нас. Музыка – величайшая объединяющая сила. Главное, чтобы она не призывала молодежь к разрушению и саморазрушению. За этим у нас следят. И у вас тоже.

– Согласен. А вы сами любите джаз?

– Честно – да. Очень. Даже американский. Только не пишите об этом, а то некоторые мои товарищи могут дать мне за это по голове. – Кестер рассмеялся.

– Как скажете.

Сафонов вновь посмотрел на компанию американцев: они медленно и лениво поднимались с кресел и собирались ухо-

дить. Один из них копался в бумажнике, чтобы расплатиться.

– И напоследок. – Сафонов с облегчением вздохнул. – Как вы можете оценить перспективы советско-германского сотрудничества в культурной сфере?

– Перспективы прекрасны. Мы гораздо ближе, чем может показаться на первый взгляд. Мы – разные народы с разным национальным характером и разным темпераментом, но если мы будем вместе работать на благо нашего будущего, мы добьемся ошеломительного успеха. Так и будет: я в этом более чем уверен.

– Спасибо за яркое интервью.

– Не стоит благодарности. Мне очень приятно общаться с вами.

Сафонов вновь посмотрел в дальний угол: американцы расплатились и пошли к выходу. Кестер тоже наблюдал за ними. Между собеседниками повисло недолгое молчание, пока туристы выходили из ресторана.

Сафонов захлопнул блокнот и нервно повертел в пальцах ручку. Затем поздравил официанта:

– Будьте добры, два темных пива, пожалуйста.

Когда официант удалился, Сафонов слегка понизил голос, но почти не сменил тона:

– А теперь, Клаус, давайте о деле. Я очень долго добивался разрешения на это интервью.

Кестер снова протер очки и ответил таким же слегка по-

ниженным голосом:

– Зачем вы предложили этот ресторан? Мы тут как на ладони. И эти американцы, – он кивнул на опустевшее место в дальнем углу. – Да и официант.

– Вы полагаете, один из американцев?

– Тот, что делал вид, будто засыпает за столом.

– А официант?

– С большой долей вероятности. Еще я видел мужчину, который минут десять курил за окном. Одну за другой. Постоял, выкурил три папиросы и ушел.

– Но мы провели интервью. Если они и слушали, то теперь все нормально. Лишняя паранойя вредна, Клаус, и вы, как никто другой, это знаете.

Кестер промолчал. Его лицо больше не выражало ленивой расслабленности: взгляд нервно бегал по сторонам.

– Вы железный человек. Завидую. Я уже старый, нервы ни к черту. – Клаус снова посмотрел в окно. – Завтра я возвращаюсь в Берлин. Несколько моих коллег тоже. Некоторые уже уехали вчера, другие уедут сегодня или завтра.

– Так скоро? Вы полагаете...

– Я знаю.

Оба замолчали и засмотрелись в окно: официант принес пиво. Сафонов поблагодарил его и попросил счет. Официант вновь удалился.

– Когда? – встревоженно спросил Сафонов.

– Не знаю, но очень скоро. Точно знаю, что у нас еще

как минимум десять дней. Но меня отзывают обратно уже сейчас. Более того: на Чистом переулке¹ сжигают бумаги. Я видел, как коробки с документами относили в подвал. При этом никто толком ничего не говорит касательно даты. Но на уровне слухов – да, около десяти дней.

Кестер достал из кармана жилета серебряный портсигар, нервными движениями вытащил сигарету, чиркнул спичкой и закурил.

– Теперь вы понимаете, что моя тревога небеспочвенна.

– Понимаю. – Сафонов тоже закурил.

– В общем, вот. – Кестер распахнул пиджак и вытащил из внутреннего кармана свернутый экземпляр «Комсомольской правды». – Это вам. По нашему делу.

Сафонов взял газету, развернул, глянул на дату. Это был вчерашний номер: тот самый, в котором была его заметка о секции плавания. На главной полосе была фотография Светланы Тихомировой, которую он повстречал сегодня в трамвае.

– Как обычно? – спросил он.

– Да. – Кестер резко выпустил струю дыма и стряхнул пепел.

Сафонов свернул газету и положил ее в саквояж. Из дальнего конца зала к ним шел официант. Кестер снова затянулся сигаретой и отхлебнул пива.

¹ До войны в доме № 5 по Чистому переулку располагалась резиденция посла Германии в СССР Вернера фон Шуленбурга.

– Хорошее, густое, – сказал он.

– Да, мне тоже нравится. Главное – не злоупотреблять, – улыбнулся Сафонов.

Официант положил на стол счет.

– Что-то еще? – любопытствовал он.

– Нет, спасибо, – с улыбкой ответил Сафонов. – Очень хорошее пиво.

– Рад слышать, – официант вежливо откланялся и удалился.

– А что вам нравится из современной советской музыки? – сменил тему Сафонов. – Может быть, слышали Шульженко?

– Шульженко слышал, очень хороша. – Кестер снова говорил медленно и лениво, потягивая пиво из кружки. – И Изабелла Юрьева. Чарующий голос.

– Согласен. – Сафонов тоже глотнул пива и откинулся на спинку кресла, потому что в глаза вдруг резко ударил луч солнца, отраженный через стекло от витрины напротив. – Кстати, хотел спросить: нет ли у вас сигарет? Я имею в виду – нормальных сигарет.

– Увы, увы, – повел плечами Кестер. – Давно не привозили. У меня в портсигаре осталась последняя. Простите, но не смогу вам ее пожертвовать.

Допив пиво и расплатившись, они вышли из ресторана, пожали друг другу руки и попрощались. Сафонов пошел к остановке трамвая. Кестер остался у входа в ожидании такси.

Олегу было тревожно. Трамвай на этот раз был почти пуст: он сел у окна, поставив саквояж на колени, и тяжело вздохнул.

Придя домой, он закрыл за собой дверь, плотно завесил шторы, поставил саквояж на стул и вытащил газету. Открыл на двенадцатой странице. К ней была плотно приклеена желтоватая бумажка с длинными рядами мелких цифр. Сафонов нагнулся к плинтусу и вытащил из-под паркета похожую бумажку, но в два раза больше форматом. Сел за стол, положил обе бумажки рядом, взял ручку и принялся за расшифровку.

Через полчаса текст был готов. Сафонов хмурился и кусал губы. Ничего хорошего.

Белинскому

Поручено 18 июня прибыть в Брянский гарнизон РККА. Прикрытие – очерк о местном писателе Юрии Холодове, отбывающем службу в части. В случае неудачи придумайте другой предлог. Добейтесь командировки любыми средствами. Если не получится – просите отпуск и отправляйтесь сами. Вам нужно быть на поезде, отправляющемся в Брянск из Москвы в 9:15 утра 17 июня.

Первая задача – выяснить положение дел в гарнизоне, количество солдат и офицеров, расположение артиллерии. Вторая задача – выяснить планы командования на случай войны: куда направятся части, как планируется организовать оборону участка. Третья задача – выяснить, насколько защищен

Брянский укрепрайон. Этот шифр с 13 июня не будет употребляться. Для отправки этих данных вам нужен новый шифр и передатчик, их вы получите у связного Юрьева. Он будет ждать вас 17 июня в 14:40 на станции Калинова Яма в голубой рубашке и серой кепке. Время остановки – 20 минут. Пароль: «Где здесь можно купить пирожков с мясом?» Отзыв: «Сам не могу найти, зато тут продается отличный квас». Задание выполнить в сжатые сроки, не позднее 20 июня, после чего немедленно передайте радиogramму и сразу же возвращайтесь в Берлин любым путем. Важность – высочайшая. Будьте крайне бдительны.

Чернышевский

Сафонов снова тяжело вздохнул, закурил и принялся расхаживать кругами по комнате. Зажав папиросу в зубах, снова подошел к столу, аккуратно разорвал все три бумаги на тонкие полоски, скомкал, бросил в пепельницу, поджег.

«Новый шифр, – подумал он, продолжая ходить кругами по комнате и поглядывая на загоревшиеся в пепельнице бумаги. – Значит, все-таки опасаются. Кестер был прав. Не позднее двадцатого июня. Неужели действительно... Черт».

Он кинул в горящие бумаги докуренную папиросу.

Когда пламя угасло, он распахнул шторы и открыл форточку. Свежий июньский воздух ворвался в комнату и расстрепал занавески. За выходящим во двор окном пели птицы.

Он снова нервно повел плечом и улыбнулся правым уголком рта. Провел ладонью по щетине и подумал, что надо бы-

ло с утра побриться. Щетина у него всегда росла слишком быстро, и бриться приходилось каждый день, но сегодня не нашлось времени.

Ничего, ничего, подумал он. Наконец-то дело.

Его звали Гельмут Лаубе. Фамилия Белинский была его оперативным псевдонимом.

* * *

Москва, 12 июня 1941 года, 14:15

– Тарас Васильевич, к вам можно?

– О, Сафонов! Заходи, конечно. Только побыстрее – у меня обед через пятнадцать минут, а я не успел сегодня позавтракать, представляешь? Ну заходи, заходи, что ты как столб, в самом деле.

Сафонов вошел в кабинет редактора отдела культуры «Комсомольской правды» Тараса Костевича, закрыл за собой тяжелую дубовую дверь и уселся на стул. Начальник, невысокий толстяк с аккуратно выбритыми усами, был, как всегда, суетлив и подвижен, даже когда сидел: его грузное тело, казалось, все никак не может найти подходящее положение в кресле.

– Что так долго возился с интервью? Надо успеть сегодня сверстать. Как прошло? – спросил Костевич.

В кабинете было душно и накурено: на столе Костевича

стояла пепельница с горой окурков, которые он так и не удосужился выкинуть. Окно было раскрыто нараспашку из-за жары, на стене висел портрет Сталина.

– После интервью мне пришлось быстро заехать домой, – ответил Сафонов. – Представляете, служебный пропуск оставил. Но я ведь укладываюсь в срок, через час сдам готовый материал.

– А надо раньше срока! – громко и твердо сказал Костевич. – Да шучу, шучу. Я без претензий. Ты ко мне зачем?

– Понимаете, тут такое дело... – замялся Сафонов. – Вы знаете брянского писателя Юрия Холодова? Он часто бывал в Москве, у него здесь был творческий вечер.

– Конечно, – нахмурился Костевич.

– Дело в том, что он поступил на службу в Красную армию. Причем по собственному желанию: захотел, видите ли, посмотреть солдатский быт изнутри, вдохновиться для новых рассказов, прославляющих наших красноармейцев.

– Дело хорошее, – пробурчал начальник, продолжая хмуриться: видимо, он был погружен в свои мысли.

– Я был раньше знаком с ним, – соврал Сафонов. – И хотел бы отправиться в командировку в Брянск, чтобы написать о нем очерк. О нем, о быте гарнизона – если, конечно, разрешат.

– О быте гарнизона вряд ли разрешат, время беспокойное. Кстати, что там твой немец? Не говорит, когда война будет?

– Войны не будет, – улынулся Сафонов.

– Ну-ну. Ладно, в Брянск, значит, хочешь? Никак не получится, брат, совсем никак. Межрайонные соревнования послезавтра. Будешь там. Спортивный отдел тебя опять хочет, передам тебя им.

Сафонов почувствовал, будто на него медленно опускается потолок. Он сглотнул слюну, хотел было нервно закусить губу, но вовремя осекся и, не подавая виду, сказал:

– Това-а-арищ Костевич. Я уже полгода из Москвы и Подмосковья никуда не вылезаю. Спортивных репортеров и без меня хватает. Целый отдел. Не могу я больше про этот спорт писать, вот правда. Неужели у них никого нет?

– Надоело в Москве сидеть? На поля захотелось? – В голосе Костевича появились нотки недовольства.

– Хочу написать о творческом работнике, решившем разделить с советскими воинами все тяготы солдатской жизни, – без запинки ответил Сафонов, глядя в глаза начальнику.

Костевич побарабанил толстыми пальцами по столу, посмотрел в окно.

– Хорошо, давай начистоту. Что там у тебя в Брянске? Честно говори.

Сафонов тяжело вздохнул и ответил:

– Тарас Васильевич, баба у меня там. Месяц назад сюда приезжала, с тех пор не виделась. Заскучал ужасно.

– Ба-а-аба? – Костевич присвистнул. – Ну дела, Сафонов! И никто не знает! Я-то думал, ходит такой один-одинешенек,

живет себе один, а у него, оказывается, баба в Брянске! А здесь что? Здесь что, бабы плохие?

– Хорошие, – смутился Сафонов.

Костевич громогласно расхохотался.

– Ну ты, друг, даешь! Вот честно, без обид: я уже вообще было подумал, что ты из этих...

– Не привык обижаться. Но, Тарас Васильич, отпустите в Брянск, а? Хоть пару дней там побуду, и то хорошо. Текст вам сделаю – просто загляденье будет, а не текст. Может, еще и наверху за него похвалят. Вам же хорошо будет! И на гостиницу тратиться не надо, у бабы поживу.

Костевич усмехнулся в усы, снова присвистнул и ответил:

– Черт с тобой, Сафонов. Поезжай в Брянск. Считай, что это тебе небольшой отпуск за хорошую работу. Хотя ты же будешь работать, ха-ха. Ладно, ладно... Позвоню в бухгалтерию, вечером зайдешь за деньгами, купишь билеты. С Брянским гарнизоном свяжемся, может, и разрешат что. И чтобы не позже двадцать второго числа вернулся, ясно? Заседание горисполкома будет. Чтоб был как штык! Понял?

– Понял, – кивнул Сафонов.

– Все. Иди в редакцию, доделывай интервью со своим немцем. А я на обед наконец схожу.

– Спасибо!

Сафонов поднялся со стула и направился к выходу из кабинета.

– Стоять, – раздался сзади голос начальника.

Сафонов обернулся: Костевич хитро улыбался и опять барабанил пальцами по столу.

— Ты же помнишь, что завтра у меня день рождения?

— Да, конечно.

— Где и когда?

— В двадцать часов, в «Коктейль-холле». Вы же сами неделю назад всех звали.

— Молодец, помнишь. А если не придешь, я обижусь. Очень обижусь, Сафонов. Настолько обижусь, что не будет у тебя никакого Брянска.

По выражению лица Костевича иногда трудно было понять, шутит он или говорит всерьез.

— Хорошо, — ответил Сафонов.

— Отличный вечер будет, это я обещаю! Все. Иди, иди. И побрейся!

Сафонов распрощался и вышел из кабинета. Никакой женщины в Брянске у него не было. Он вообще никогда не бывал в Брянске.

* * *

Из воспоминаний Гельмута Лаубе

Запись от 12 мая 1967 года, Берлин

С Шелленбергом я встречался только один раз, когда вернулся в Берлин из Польши в ноябре тридцать девятого. То-

гда он еще не руководил заграничной разведкой. Это была вечеринка высоких шишек из НСДАП в ресторане, и друзья решили познакомить меня с ним. К тому же вечеру относится мой единственный снимок в форме СД – пару лет назад я совершенно случайно нашел его у бывшего коллеги. Сейчас эта фотография висит у меня на стене. Рядом с кадром из Испании, где я позирую в окружении фалангистов с винтовкой за спиной и гранатой за поясом, и со снимком из Москвы, на котором я стою в костюме и шляпе возле отеля «Националь».

На той единственной встрече меня представили Шелленбергу как героя Испании (слегка преувеличив мои заслуги) и хорошего профессионала, отлично проявившего себя при подготовке к польской кампании. Во время короткого разговора он заметил, как я невольно начинаю копировать его мягко-аристократичные интонации. Он рассмеялся и назвал меня хамелеоном. Так и сказал: «А вы настоящий хамелеон, Лаубе. Это полезное умение для человека ваших занятий».

Шелленберг смог за две минуты разговора обратить внимание на то, что видел далеко не каждый: мое умение приспособливаться к собеседнику, к его манере речи, мимике, поведению. Видимо, он понял это, потому что тоже вел диалоги подобным образом, сохраняя при этом свойственное ему обаяние. Иногда пугался даже я: это происходило не по моей собственной воле, а словно само собой. Бывали даже

анекдотичные ситуации.

В 1938 году я вел переговоры по работе с одним партийным бонзой из Мюнхена. Настоящий баварец, пошляк и любитель глупых шуток. Он рассказывал идиотские анекдоты и сам же хохотал над ними, как резаный боров. Сразу после этого разговора я пошел расслабиться в бар со старыми товарищами по журналистике, и те сказали, что я был невыносим. За мной никогда не замечали такого грубого юмора, да еще и с заметным баварским говором.

Я не специально. Это происходило как будто само. Еще на школьной скамье я ловил себя на том, что перехватываю интонации учителя, отвечая на вопросы.

Со временем я научился контролировать это свойство и обращать его себе на пользу. Примеряя на себя шкуру собеседника, намного легче понять, как с ним взаимодействовать, как добиться от него нужного результата, где стоит надавить, а где сделать послабление. В этом умении нет ничего мистического – просто высокая эмпатия. Тем не менее иногда от этого становилось страшно. «Я ни разу не видел тебя таким, какой ты есть», – сказал перед моей поездкой в Россию мой старый приятель из СД Рудольф Юнгханс.

Действительно.

Хосе Антонио Ньето (с моей-то северной физиономией, ха-ха – впрочем, в Испании от меня не требовалось внедрения, я выполнял другие задачи), Томаши Качмарек, Хорст Крампе, Виталий Воронов, Олег Сафонов. И все это я. Сума

сойти можно. Впрочем, это со мной тоже случалось.

Все-таки я был хорошим разведчиком. Несмотря на то что случилось на станции Калинова Яма.

*** * ***

Москва, 12 июня 1941 года, 21:20

Уставший и встревоженный Сафонов медленно шел по Кропоткинской улице ² по направлению к Смоленскому бульвару. После разговора с Костевичем он, как и обещал, за час закончил интервью и сдал его в редакцию, а в конце рабочего дня взял в бухгалтерии обещанные деньги и отправился на вокзал за билетом. Ему повезло: билеты на нужную дату имелись. Решив не жалеть редакционных денег (тем более что сумма была выдана на поездку в оба конца, а возвращаться Сафонов не планировал), он купил билет в двухместное купе спального вагона прямого сообщения – если уж ехать на опасное задание, то с полным комфортом. Заранее купил две пачки папирос, набил портсигар.

Поехав в столовой, домой он пошел пешком – долгая прогулка позволяла привести в порядок чувства, успокоиться и проветрить голову. Солнце обдало Москву последней порцией жгучей предвечерней жары, полыхнуло над гори-

² С 1994 года – Пречистенка.

зонтом красным закатом и исчезло: стало свежо и прохладно. Это было любимое время Сафонова, когда его уставший за день рассудок отдыхал в тени уходящего дня и мысли становились ясными и прозрачными.

Через пять дней он покинет Москву и, скорее всего, теперь долго не увидит ее.

«Значит, все-таки война, – думал он. – Опять война. И ведь черт знает как здесь пойдет дело. Это с Польшей и Францией все было ясно изначально, а здесь...»

Он вдруг отчетливо представил себе взвод солдат вермахта, идущих колонной по Кропоткинской. Они будут уставшими, с перепачканными сажей лицами, с закатанными рукавами. Здесь уже не будет боев: канонада будет слышна где-то дальше, за Кремлем, в районе вокзалов. Окна домов будут пустыми и безжизненными, брусчатка – разбитой, стены покроются трещинами и следами от пуль. Какой-нибудь испуганный русский ребенок в рваной телогрейке будет смотреть на проходящих мимо солдат, прижимаясь к стене. Где его родители? Впрочем, не важно. В воздухе будет висеть тяжелый и сладковатый запах пороха. Со стороны Ленинских гор будет валить густой черный дым: схватка за эти высоты наверняка будет долгой...

– Товарищ, прошу прощения, у вас не найдется, случаем, папиросы?

Сафонов повернул голову: перед ним стоял молодой светловолосый артиллерист с петлицами лейтенанта, чуть по-

одадь стояла ожидавшая его девушка в белом платье в синих узорах.

– Да, конечно. – Сафонов извлек из портсигара папиросу и протянул ее лейтенанту.

– Огромное спасибо. Да, и скажите, пожалуйста, правильно ли мы идем к Чистому переулку? Это ведь в той стороне?

– Да, именно там. Это недалеко, вам идти минут десять.

– Спасибо, спасибо огромное! – Лейтенант чиркнул спичкой, закурил и элегантным движением взял девушку под руку. – Я же говорил, что недолго! Пойдем.

Сафонов некоторое время смотрел им вслед. Они говорили, девушка смеялась, лейтенант курил и легким щелчком пальца стряхивал пепел. Такой молодой, а уже с замашками аристократа. Сафонов представил, как его убьет осколком снаряда прямо на артиллерийских позициях.

«Да что ж я за человек», – с неожиданной злобой на себя подумал он. Портсигар все еще был в его руке: он достал папиросу и тоже закурил. Затянулся, по привычке повел плечом и хрустнул пальцами, неторопливо пошел дальше. Начинало немного холодать, поднялся слабый ветер.

Когда он гулял по Кракову в конце августа тридцать девятого, в его голову не приходили подобные мысли. Тогда его звали Томаш Качмарек.

Сафонов свернул на улицу Льва Толстого и пошел в сторону Несвижского переулка. Там он жил. В воздухе уже сгустилась темнота.

Добравшись до дома, он решил выкурить на улице еще одну папиросу – идти в квартиру почему-то не хотелось. Он чиркнул спичкой, поднес ее к лицу и вдруг заметил боковым зрением быстро приближающегося к нему человека в шляпе и длинном плаще.

Сафонов отбросил спичку и резко шагнул назад. Его мышцы мгновенно напряглись. Спустя долю секунды он разглядел лицо человека: это был Клаус Кестер.

– Клаус? Что вы делаете здесь? Что случилось? – с досадой спросил Сафонов, сжимая в зубах папиросу.

Кестер приблизился к нему вплотную, не решаясь заговорить. Он выглядел напуганным до полусмерти и тяжело дышал. Руки он прятал в карманах плаща.

– Что? Что случилось? – взволнованно повторил Сафонов.

– Боже, наконец-то вы. Я жду вас здесь два часа. – Голос Кестера дрожал, его немецкий акцент был еще сильнее, чем прежде.

– Клаус! Ответьте мне, что случилось? Пойдемте к подъезду, – он кивком указал в сторону дома и пошел к двери; Кестер, испуганно оглядываясь, направился за ним следом.

– Я боюсь, я очень боюсь. Очень боюсь, – быстро заговорил Кестер. – Очень.

Сафонов разозлился. Глубоко вдохнул через сжатые зубы, резко выдохнул, снова достал спичку, поджег, закурил. Посмотрел в глаза Кестеру.

– Клаус, – медленно сказал он. – Вы сейчас же объясните мне, что случилось. Внятно и доходчиво.

– Да, да, конечно... – Кестер с трудом подбирал русские слова. – Я, как это... Чувствую колпак. Мой поезд уедет рано утром. Я боюсь не дожить.

– Что вы такое несете? Так. Успокойтесь. Сейчас мы поднимемся в квартиру. Я налью вам чаю. Вы подробно расскажете мне все. Если вам так будет удобнее, можете на немецком.

– Да, да. Хорошо. На немецком, так лучше, намного лучше.

Сафонов с досадой бросил недокуренную папиросу, затоптал ее и открыл дверь. Они поднялись по лестнице на третий этаж и вошли в квартиру. Сафонов включил свет.

– Плащ можете повесить здесь, – он кивнул в сторону вешалки.

Через минуту Кестер сидел на кухне за небольшим деревянным столом, а Сафонов подогревал чайник на электрической плитке.

– Итак, – поставив чайник, Сафонов заговорил по-немецки. – Повторяю вопрос: что случилось? Вы пришли к моему дому, это очень глупый, необдуманный и опасный поступок. Чего вы так испугались?

– Понимаете, Гельмут... Я чувствую, что за мной следят. – Кестер тоже перешел на немецкий.

– И пришли ко мне! – Сафонов чуть было не повысил

голос от неожиданности. – Отличное решение! Гениальная мысль!

– Нет-нет... Я проверял, сейчас за мной точно нет хвоста, я шел к вам дворами, я специально надел этот плащ и шляпу.

«Только этого не хватало, – подумал Сафонов. – Проверял он, конечно».

– Ладно, – сказал он. – С чего вы взяли, что за вами следят?

– Вы знаете майора Орловского?

– Очень распространенная фамилия. В России наверняка много майоров по фамилии Орловский.

– Этот человек – сущее зло.

– Подробнее.

– Знайте: если вы услышите или увидите где-то его фамилию или, не дай бог, его самого – будьте крайне бдительны и осторожны. Это очень опасный человек.

– Кто это?

Немного успокоившийся было Кестер вновь сильно занервничал, заговорив об Орловском.

– Он похож на свою фамилию... Настоящий орел. Он парит над жертвой кругами, пока она его не видит, а когда видит, становится поздно. Он хватает ее в свои руки и никогда больше не отпустит.

– Только что вы сказали: «если увидите, будьте осторожны». Вы противоречите себе. Как же я буду осторожен, если будет уже поздно?

– Это не важно! – Кестер вдруг сорвался на крик.

– Но-но, успокойтесь. Возьмите себя в руки.

Сафонова раздражала эта паника. Кестер был выше его по иерархии, но сейчас он чувствовал себя в полном праве приказывать.

– Да, да... – Кестер вновь понизил голос. – Сегодня после разговора с вами я увидел запись с фамилией Орловского в книге посещений посольства. Он приходил сегодня. Он приходил вчера. И позавчера. Каждый раз – приходил на пять минут и снова уходил.

– Вы не сказали, кто это.

– Я слышал о нем ужасные вещи.

– Какие? Конкретнее.

– Он демон, настоящий демон. Он следит за мной и будет следить за вами. Он поймает меня, он поймает вас. Поймает меня... – Кестер запустил руку в свои седые волосы. – Гельмут, я старый. У меня дочь в Берлине. Гельмут, я очень боюсь насилия. Если они будут бить меня, я сдам всех, понимаете?

Волна злобы захлестнула Сафонова, но он не подал виду. Он сглотнул слюну, подошел вплотную к столу и четко, медленно проговорил, глядя прямо в глаза:

– Клаус. Знаете, что сделал бы на моем месте другой разведчик после ваших последних слов? Знаете? Да, знаете. Он убил бы вас. Прямым выстрелом в лоб. Прямо здесь, за этим столом. А затем покинул бы эту квартиру.

Глаза Кестера расширились от ужаса, но Сафонов быстро продолжил:

– Но я не сделаю этого. Я очень хорошо знаю вас. Я помогу вам. Более того: когда все закончится, я никому не расскажу об этом эпизоде. Но для этого, снова прошу вас, очень прошу: возьмите себя в руки. Немедленно. Возьмите. Себя. В руки. В конце концов, вы же дипломат.

Кестер опустил голову и на некоторое время замолчал. Затем ответил совсем тихо:

– Я не дипломат, Гельмут. Я шпион. Как и вы. А вы знаете, что они делают с немецкими шпионами.

– В первую очередь вы солдат невидимой армии фюрера, – отчеканил Сафонов. – Так и ведите себя как солдат. Не время распускать нюни: вы этим ничем не поможете.

Вода закипела. Сафонов наполнил заварочный чайник, поставил на стол два фарфоровых блюдца и чашки. Кестер молчал.

В полной тишине Сафонов разлил чай, поставил на стол сахарницу с щипцами, уселся на стул напротив Кестера и заговорил спокойно и мягко:

– Я понимаю, Клаус, что я сейчас не добыю от вас подробной информации. Я не буду ее добиваться. Для меня и для вас сейчас самое главное, чтобы вы успокоились и не делали глупостей. Вижу, вы очень напуганы и боитесь за свою жизнь. Что уж поделать, такая у нас работа. Поэтому мы поступим следующим образом. – Он сделал глоток горячего

чая. – У меня есть здесь хорошие знакомые.

Проверенные люди. Они заведуют гостиницей неподалеку отсюда – пятнадцать минут ходьбы. Они могут помочь в случае проблем. Сейчас я отведу вас в эту гостиницу и поселю в номер, представив вас как своего друга. Никаких вопросов они не будут задавать. Более того: я попрошу их, чтобы они вызвали вам такси в... Во сколько у вас завтра поезд?

– В полдень, – глухо отозвался Кестер.

– Чтобы они вызвали вам такси к одиннадцати утра. Они доедут до вокзала вместе с вами и проследят, чтобы вы сели на поезд. И я удостоверюсь завтра, что вы так и сделали. Вы поняли меня?

– Да. Да, да, – закивал Кестер, дрожащими руками поднося к губам чашку. – Спасибо вам.

Сафонов понял, что его гость успокоился. Он не навра́л: его знакомые действительно заведовали гостиницей на Фрунзенской набережной. К ним можно было обратиться в случае проблем, чтобы переночевать в номере. Однажды Сафонову пришлось воспользоваться их гостеприимством, поэтому он знал, о чем говорил. Вопросы они действительно не задавали. Они знали его как Виталия Воронова.

– Допивайте чай, дружище. Если хотите, могу налить еще. И пойдем, время уже позднее. Все будет хорошо, Клаус. Обязательно.

«Все будет хорошо», – думал он.

Москва, 13 июня 1941 года, 01:40

Сафонов вернулся домой далеко за полночь – невероятно уставший и злой. Состояние Кестера беспокоило его;

впрочем, он оставил его с надежными людьми. Они точно проследят, чтобы с ним ничего не случилось. А если вдруг и случится, он, Сафонов, узнает об этом сразу же. «Сейчас, – думал он, – его поят чаем и укладывают спать на кровать в номере. Пусть как следует выспится».

Так ему было намного спокойнее.

Он лег на кушетку прямо в брюках и рубашке, расстегнув только три верхние пуговицы. Раздеваться было лень, но спать не хотелось, несмотря на усталость. Он лежал и смотрел в темный потолок, ворочался с боку на бок, закрывал глаза, снова открывал и видел темный потолок. В конце концов он тяжело вздохнул, встал и закурил у окна.

Он думал о работе.

Сафонов всегда говорил себе, что разведчик должен в любой ситуации сохранять хладнокровие. Это азы, это очевидная истина, понятная даже ребенку. Никогда нельзя давать волю эмоциям – ведь в опасной ситуации один дрогнувший мускул на лице сможет выдать тебя с потрохами. Достаточно один раз ослабить хватку, как дальше все покатится вниз по

склону, как снежный ком, и все – ты больше не разведчик, ты заключенный или труп.

«Даже наедине с собой, – говорил себе он, – даже наедине с собой ни в коем случае нельзя давать волю эмоциям. Вообще, конечно, этих эмоций и вовсе не должно быть: только холодная голова, только мысли о деле, и ничего больше».

Но произошедшее с Кестером страшно злило его. Настолько злило, что хотелось сунуть голову в ведро со льдом, чтобы перестать испытывать эту злобу – ведь это плохо, нельзя, нехорошо испытывать сильные эмоции, и нельзя волноваться, нельзя нервничать, от этого все может пойти ко всем чертям.

Нечто извне вмешивалось в работу отлаженного механизма, и из-за этого шестеренки начинали тормозить и предательски скрипеть. Такого быть не должно. Ситуация всегда, абсолютно всегда должна быть под контролем. Сейчас Сафонов не чувствовал этого контроля.

«Но если очень хочется и никто не видит, то можно», – подумал вдруг он, выбрасывая окурок, и со всей силы, сжав зубы до крови в деснах, ударил кулаком в стену.

* * *

ВЫПИСКА

из протокола допроса подозреваемого в шпионаже
Гельмута Лаубе от 1 июля 1941 года

Вопрос. Когда и каким образом вы познакомились с Клаусом Кестером?

Ответ. В ноябре 1939 года, вернувшись из Польши, на званом ужине в Берлине.

Вопрос. Вы поддерживали с ним близкие отношения?

Ответ. Не очень. Мы редко встречались.

Вопрос. Насколько часто вы общались с Кестером в Москве?

Ответ. Примерно раз в два-три месяца. Не особенно часто.

Вопрос. Это он передавал вам задания из Центра?

Ответ. Да.

Вопрос. И задание выяснить данные о Брянском гарнизоне тоже передал вам Кестер?

Ответ. Да.

Вопрос. Когда он передал вам это задание?

Ответ. Двенадцатого июня.

Вопрос. Когда вы последний раз видели Кестера?

Ответ. Вечером того же дня.

Вопрос. Как это произошло?

Ответ. Он пришел к моему дому и сказал, что очень напуган.

Вопрос. Чего он боялся?

Ответ. Вас.

Вопрос. Поясните.

Ответ. Советских контрразведчиков.

Вопрос. Нам известно, что в ту ночь его приютили в гостинице. Как называлась гостиница?

Ответ. «Пролетарий» на Фрунзенской набережной.

Вопрос. Назовите имена и фамилии тех, кто предоставил Кестеру номер и сопровождал его до поезда.

Ответ. Третьяков Олег Алексеевич, Вавилин Николай Федорович.

Вопрос. Вы получали на следующий день какие-либо сведения о Кестере?

Ответ. Да. Мне сообщили, что он уехал в Берлин.

Вопрос. Кто вам об этом сообщил?

Ответ. Третьяков.

Вопрос. Когда вы купили билет на поезд до Брянска?

Ответ. Вечером двенадцатого июня.

Вопрос. Что произошло на станции Калинова Яма?

Ответ. Я не знаю.

II

Мост

Мне было десять лет, когда мать и отец повезли меня в Севастополь; это был конец августа, и мы поселились в домике возле мыса Фиолент. Однажды в середине жаркого дня я задремал на террасе и увидел удивительный сон: будто бы я нырнул со скалы в море и погрузился глубоко-глубоко, туда, где в угасающих лучах солнца мир становится темно-синим. На морском дне возвышался роскошный стеклянный дворец с хрустальными колоннами и алмазными барельефами. В этом замке невиданной красоты не было никого, только чудные большеглазые рыбы смотрели на меня, беззвучно раскрывая в изумлении рты. Я плыл по огромным комнатам и длинным извилистым коридорам, нырял узкими колодцами винтовых лестниц и в конце концов добрался до главного зала, где на величественном троне из зеленого стекла восседал хрустальный скелет в серебряной короне, украшенной жемчугом. Но в глазницах его прозрачного черепа искрились рубины кровавым огнем, и страх овладел мной.

Я понял, что воздух уходит из легких, и попытался подняться, но слишком запутанными были эти комнаты и эти коридоры; я не мог найти обратный

*путь, и когда уже казалось, будто я наконец нашел
дорогу к поверхности, всякий раз я натывался на
невидимый стеклянный потолок.*

Из рассказа Юрия Холодова «Желтая пена»

* * *

Москва, 13 июня 1941 года, 13:00

У Сафонова был выходной, поэтому он позволил себе поспать до десяти утра и еще поваляться в постели. Он любил говорить, что человек после пробуждения должен вылежаться, как вино, которому дают подышать, после того как вытацили пробку. Когда солнце стало настойчиво бить в глаза сквозь окно, он все же заставил себя встать и покурить у окна – утро он всегда начинал с папиросы, – а затем принять душ, побриться и сварить кофе.

После полудня он набрал номер гостиницы.

– Гостиница «Пролетарская», – прозвенел в трубке голос молоденькой телефонистки.

– Доброе утро. Девушка, будьте добры Олега Алексеевича к аппарату.

– Одну минуту.

Действительно, ровно через минуту (Сафонов считал) в трубке раздался уставший и недовольный мужской голос:

– Третьяков у аппарата.

– Доброе утро, Олег Алексеевич, это Виталий Воронов вас беспокоит.

Голос в трубке сразу оживился.

– Да-да, слушаю вас внимательно.

– Я по поводу моего друга. С ним все в порядке?

– Все в полном порядке! Сел на поезд, уехал. Сами посадили, я только что с вокзала.

– Как его состояние? Нормально себя вел?

– Уснул сразу же, как убитый! Влили ему водки стакан – моментом отвернулся к стенке и захрапел. Еле разбудили!

– Хорошо, хорошо. Спасибо, Олег Алексеевич. Вы очень помогли.

– Не за что, товарищ Воронов. Обращайтесь всегда.

– Еще раз спасибо. Всего доброго.

– До свидания.

Он повесил трубку и сделал глоток кофе. Все вышло хорошо, подумал он. Надо прогуляться по городу – это последний выходной в Москве. Вечером – день рождения Костевича в «Коктейль-холле»: надо прийти, иначе *обидится*, а это сейчас ни к чему. Затем три рабочих дня, а потом поезд.

Костяшки пальцев сильно болели.

Из дома он вышел через час. Жара стала еще сильнее, чем вчера: Сафонову пришлось снять кепку и закатать рукава рубашки. Он решил дойти до Чистых прудов и выпить пива в какой-нибудь столовой. Сегодня ему совсем не хотелось думать о работе.

– Товарищ, товарищ! У вас три рубля выпали! – раздался сзади женский голос, едва Сафонов отошел от подъезда.

Он обернулся: на него смотрела полная барышня с красноватым лицом; в двух пальцах она зажимала зеленую трехрублевку.

– Три рубля? – удивленно переспросил Сафонов.

У него не было с собой трех рублей: только две пятирублевки и четыре червонца.

– Что ж вы такой, – сказала женщина, подойдя к Сафонову. – Возьмите, нечего деньги терять!

Сафонов хмыкнул. Бывало, что он терял деньги, но находить что-то крупнее рубля до сих пор не приходилось.

– Спасибо, – сказал он и взял у барышни купюру с красноармейцем. – Видимо, и правда выпала.

– Не теряйте больше! – рассмеялась женщина. – Это я такая добрая, сразу заприметила, а другая прикарманила бы и пошла по своим делам.

Сафонов улыбнулся в ответ и сунул купюру в задний карман брюк.

– Действительно, – ответил он. – Спасибо еще раз.

– Не за что! – Барышня подмигнула ему и ушла в подъезд.

«Лишние три рубля не помешают, что уж там», – подумал он, снова удивленно хмыкнул самому себе и пошел дальше.

Дойдя до центра, он зашел в книжный и решил купить одну из книг Холодова, чтобы не попасть в неудобную ситуацию при общении с писателем и хотя бы узнать его био-

графию. В продаже оказался только небольшой сборник из девяти рассказов под названием «Цвет звезд». Купив книгу, Сафонов бегло посмотрел содержание: «Желтая пена», «Алая степь», «Бирюзовая ночь», – а затем открыл предисловие и ознакомился с биографией. Ничего особенно примечательного: родился в 1916 году в Брянске, жил и учился там же, публиковался в газетах, в 1938 году издал первую повесть «Рельсовый запах» о строительстве железной дороги, а этот сборник рассказов, вышедший в 1940-м, стал его второй книгой. Представитель молодого поколения, надежда советской словесности, мастер ошеломительных образов, высокий художественный уровень, последовательный приверженец ленинизма-сталинизма... Вчитываться в рассказы Сафонов не стал, чтобы было чем занять себя в поезде.

* * *

Главное управление Имперской Безопасности
Секретно

Начальнику VI управления РСХА
бригаденфюреру СС Хайнцу Йосту
13. XI.1939

ХАРАКТЕРИСТИКА

на унтерштурмфюрера СС Гельмута Лаубе,
оперативного сотрудника заграничного отдела
службы безопасности рейхсфюрера СС (SD-Ausland)

В ответ на ваш запрос № 1145 сообщаю нижеследующее.

Гельмут Лаубе – член НСДАП с 1930 года. Убежденный национал-социалист.

Родился 20 января 1905 года в городе Оренбурге (Россия) в семье обрусевших немцев. В 1917 году эмигрировал с семьей в Берлин.

С 1923 по 1928 год проходил обучение на юридическом факультете Университета Фридриха Вильгельма. Окончил с отличием. Преподаватели отзываются о нем как о способном ученике, безукоризненно вежливом в общении со старшими и сверстниками.

Работал корреспондентом в «Берлинер Тагеблатт»³ и «Бёрзен Цайтунг»⁴. После вступления в партийные ряды занялся пропагандистской работой для «Фёлькишер Beobachter»⁵.

Бывшие коллеги по журналистике характеризуют Лаубе как блестящего автора с хорошо поставленным слогом, отмечают умение добывать необходимую информацию.

В 1934 году прошел четырехмесячную боевую

³ *Berliner Tageblatt* (нем., «Берлинский ежедневник») – ежедневная газета, выходившая в Берлине в 1872–1939 годах. Отражала взгляды немецкой либеральной буржуазии.

⁴ *Berliner Bursen-Zeitung* (нем., «Берлинская биржевая газета») – немецкое деловое издание.

⁵ *Völkischer Beobachter* (нем., «Народный обозреватель») – немецкая газета, печатный орган НСДАП.

подготовку в лагере СА.

С 1936 года работал оперативным сотрудником Второго отдела абвера. Бывшие коллеги из абвера отзываются о нем как о хорошем, способном работнике. Хладнокровный, рассудительный, никогда не дает волю эмоциям. Отмечают, однако, скрытность в общении с товарищами, подозревают в нескольких эпизодах откровенной лжи.

По ведомству абвера был командирован в Испанию для выполнения различных оперативных задач.

В Испании отличился, руководя диверсионной операцией по взрыву моста под Бриуэгой в марте 1937 года. За этот эпизод был награжден Испанским крестом. Получил контузию и ранение в ногу.

После работы в Испании оставил разведку, в 1938 году поступил на службу в СД.

В рамках работы по подготовке к Польской кампании показал себя крепким профессионалом, уверенным в своем деле.

По отзывам коллег из заграничного отдела СД, Лаубе смел, инициативен, умеет войти в доверие. В общении подчеркнуто вежлив.

Пользуется личной протекцией обершарфюрера СС Георга Грейфе⁶.

Очень много курит. Пьет пиво, предпочитает темное. Любит виски. Бегаёт по утру. Выглядит всегда

⁶ *Георг Грейфе* (1906–1943) – работник СД, уроженец Москвы. До войны – сотрудник «Русского лектората» в Лейпциге, подчиненного отделу прессы РСХА.

опрятно, ежедневно бреется. Слушает классическую музыку и немецкий джаз. Любит изысканно одеваться, имеет дома обширную коллекцию галстуков. Читает русскую литературу. В порочащих связях замечен не был.

Учитывая место рождения и хорошее знание русского языка, считаю моего подчиненного Лаубе лучшим из представленных кандидатов для проведения операции в СССР.

Хайль Гитлер!

Гауптштурмфюрер СС Отто Лампрехт

* * *

Из воспоминаний Гельмута Лаубе

Запись от 2 марта 1967 года, Берлин

*Я привык, что слишком часто все идет не по плану. Во-
ля случая намного сильнее, чем нам кажется, и поэтому
я крайне редко произношу слова обещания. Не спорю: очень
многое зависит от нас самих. Когда мы стараемся что-
то выполнить, мы прикладываем усилия, которые должны
максимально повысить вероятность успеха. Но эта веро-
ятность очень редко бывает стопроцентной (заметьте, я
не говорю «никогда»). Даже если мы все сделаем как надо
и сверх того, может всплыть какая-нибудь едва заметная
мелочь, из-за которой все пойдет не так.*

В ответственный момент заклинит винтовку.

Связной проколется на какой-нибудь дурацкой мелочи и сорвет всю операцию.

Выйдет из строя радиопередатчик.

Не сработает взрывчатка.

В конце концов, ты пойдешь на задание, а тебе на голову упадет кирпич. Почему нет? Я слышал о человеке, который умер в день своей женитьбы: его сбил «роллс-ройс», арендованный для свадебной поездки. Водитель очень спешил.

Поэтому я давно не мыслю категориями «да» и «нет». Я мыслю вероятностями. Сделать так, чтобы все получилось, – значит приблизить возможность успеха к 95–98 процентам.

Скажете – я фаталист? Нет. Я реалист.

Скажете – это оправдание неудач? Нет. Я прекрасно понимаю, что если задание, за которое отвечал я, не выполнено, то это исключительно моя вина. Недосмотрел и не углядел, не вспомнил о двухпроцентной вероятности заклинивания винтовки. Я стремлюсь, чтобы все всегда было под контролем.

Но вероятность, что та операция в Испании пройдет идеально, составляла примерно 20 процентов. Не из-за плохого планирования, вовсе нет. Точнее, не только из-за него. Слишком велико было влияние хаоса на все наши действия, слишком силен был элемент спонтанности. Мне нечем гордиться: да, я выполнил задание, но сделал это плохо. По-

этому золотой Испанский крест, которым меня наградили после возвращения, никогда не украшал мою грудь. Он до сих пор лежит где-то в коробке. Зато я отлично запомнил слово «cabrones»⁷.

Я знал, что операция, скорее всего, пойдет наперекосьяк. Но этот мост нужно было взорвать. Приказы не обсуждаются. Что ж, это был отличный способ проверить меня в настоящем деле.

До этого по-настоящему серьезными вещами я не занимался. Когда в 1937 году я оказался в Испании, поначалу мои задачи заключались в доставке оружия и медикаментов, налаживании связей с боевыми частями, в расшифровке данных – руководство, отчасти справедливо, считало меня мастером на все руки и бросало на самые разные дела. Первый боевой опыт (да, я тогда впервые убил человека) я получил 8 февраля под городком Васьямадрид во время Харамского сражения: мне было поручено сопровождать связиста во время вступления в населенный пункт и в случае его гибели обеспечить связь с командованием. Связист, впрочем, не погиб. Зато пострелять мне пришлось.

После захвата городка противник продолжил контратаковать нас небольшими группами, и один из отрядов неожиданно вышел прямо у нас под носом, когда мы занимались передачей данных, расположившись в саду возле полуразру-

⁷ Труднопереводимое испанское ругательство – «козлы», «ублюдки», «пидарасы» и тому подобное в зависимости от контекста.

шенного кирпичного домика. Они неожиданно появились со стороны дороги, которую, как нам казалось, уже давно простреливали наши. Связист – его звали Алехандро – залег за грудой кирпичей и насмерть перепуганным голосом попросил меня сделать хоть что-нибудь. Это нормально: на вой не бывает очень страшно. Страшно было и мне. Их было шестеро, а нас двое.

Я прижал к груди винтовку, отполз назад, попытался занять подходящую позицию – все-таки четыре месяца обучения в лагере СА не прошли даром – и, прицелившись, выстрелил в одного из солдат, подбиравшихся к нам. Он даже не увидел меня. Он закричал и упал, схватившись за живот, а остальные попытались оттащить его, еще кричащего, назад. В мою сторону даже не стреляли – наверное, они просто не поняли, откуда прилетела пуля. Тогда я снова выстрелил и попал одному, кажется, в шею. Этого точно убил наповал.

Они попытались отступить, видимо, почему-то решив, что нас больше, чем двое. Но стрельбу заметили наши. Со стороны дороги по республиканцам начали палить и буквально за десять секунд их положили несколькими хлопками. Пытаясь пристрелить нас, они сами загнали себя в окружение.

Алехандро долго не мог прийти в себя. Для него это тоже был первый бой. Потом он говорил, что я спас ему жизнь. Может, и так. Хотя в первую очередь я, конечно, спасал

себя.

Я подбадривал Алехандро и веселил его какими-то дурацкими шутками, но сердце мое колотилось как бешеное. Я мельком посмотрел на двух убитых мной – они лежали в неестественных позах, один на животе, скрючившись, а другой – на спине и с подвернутой ногой. Выглядели они отвратительно, как и все, кто убит на войне.

Что я тогда испытал? Гордость, сродни охотничьей, за первую свою маленькую победу в настоящем бою? Наверное, да. Отвращение к тому, что я просто так взял и убил людей? Поначалу – да, но это чувство очень быстро выветрилось. Очень быстро я понял, что на вой не нет ничего особенного в том, чтобы убивать людей. В конце концов, именно этим на вой не, как правило, и занимаются.

Об этом первом бое я и вспоминал, когда в четыре утра 18 марта тридцать седьмого года мы выдвинулись из Бриуэги к мосту через Тахунью. Было понятно, что пострелять, скорее всего, придется. Положение дел под Гвадалахарой было хуже некуда: закрепившиеся здесь итальянцы⁸ всегда казались мне слабыми вояками, и я проклинал судьбу за то, что меня послали именно к ним. Республиканцы заняли Трихуэку и Паласио-де-Ибарра, основательно закрепившись в окрестностях, и готовили атаку на Бриуэгу. Местное ко-

⁸ В марте 1937 года под Гвадалахарой стояла 2-я итальянская дивизия «Черное пламя», затем ее сменила дивизия «Божья воля», получившая задачу прочной обороны района Бриуэги.

мандование, зная об этом заранее, даже пальцем не желало шевелить, чтобы принять хоть какие-то меры, и очнулось слишком поздно. Впрочем, наше командование, несмотря на весь этот бардак, все же поручило взорвать этот чертов мост, чтобы хоть ненадолго задержать продвижение 14-й дивизии⁹, пока эти толстозадые итальянцы ищут мух в своих макаронах. Зачем это было нужно, я не знаю. Все равно не помогло.

* * *

Москва, 13 июня 1941 года, 19:30

В «Коктейль-холл» Сафонов прибыл заранее. Для праздника Костевич забронировал весь второй ярус: поднявшись по винтовой лестнице, Сафонов увидел первых прибывших коллег, поздоровался и сел за столик рядом с парапетом, откуда можно было наблюдать за всем, что происходит внизу. Гостей пока было немного: фотограф Макаров с женой, репортер Давыдов и молодая журналистка Фёдорова, веселая рыжеволосая барышня с живой и подвижной мимикой. Увидев Сафонову, Фёдорова тут же встала из-за столика и подошла к нему.

– Товарищ Сафонов, а мы с вами очень давно не виделись!

⁹ Четырнадцатой республиканской дивизии под командованием Сиприано Меры было поручено переправиться через реку Тахунью и атаковать Бриуэгу.

– Действительно. Как поживает ваша кошка?

– О, у нее все хорошо, не то что у меня! – с этими словами она заразительно захохотала и подсела к Сафонову. – Она ест и спит, спит и ест. Что еще нужно для счастья?

– И правда, – усмехнулся Сафонов.

– Я слышала, вы едете в командировку. Куда, если не секрет?

– Не секрет. В Брянск. Буду делать очерк о писателе Холодове, он сейчас проходит службу в Брянском гарнизоне.

Глаза Фёдоровой округлились от восхищения.

– Вот это здорово! Очень вам завидую. Так хочется вырваться из Москвы хоть куда-нибудь.

– А на кого оставите кошку?

– Да хоть на вас бы оставила. – Она опять рассмеялась. – Вам почему-то хочется доверять.

– Это моя работа – делать так, чтобы мне доверяли.

– И то верно. А вы пробовали здесь коктейль «Ковбой»? Очень рекомендую! Знаете, что здесь? Абрикосовый ликер, бенедиктин, желток, джин и перцовка.

– Не пробовал, но если рекомендуете...

– Молодой человек, принесите нам два «Ковбоя», пожалуйста! – крикнула Фёдорова прошедшему мимо официанту, не дав Сафонову договорить. – Так вот, значит, вы от нас в Брянск. Надолго?

– Двадцать второго буду в Москве. Костевич сказал, чтобы был как штык. Значит, буду.

– Кстати, Тараса Васильича что-то не видно пока.

– Может, он занят. Ругается с женой, – предположил Сафонов.

Фёдорова опять расхохоталась.

– Люблю Костевича, но когда вся редакция знает подробнейшее содержание всех его ссор с женой... Помните, как она в прошлом месяце ворвалась к нему в кабинет? Она была как ледокол «Красин»! Спасайся кто может!

– Конечно. Такое трудно забыть.

Официант поставил два бокала с коктейлем. Гости тем временем продолжали прибывать. Сафонов увидел, как по лестнице поднялись корреспонденты отдела спорта Бубенин и Колокольцева. Поднял бокал в знак приветствия, улыбнулся.

– Костевич говорил, что сегодня будут интересные гости, – сказала Фёдорова. – Вы не знаете, кто именно?

– Понятия не имею. – Сафонов сделал глоток коктейля. – Да, действительно очень хорошая вещь.

– Он любит приглашать странных гостей. В прошлом году – вас тогда еще у нас не было, кажется – он привел актера Жарова, представляете?

– Молодец. Его тут не разорвали на сувениры?

– Он побыл совсем недолго и уехал на съемки. Зато меня с ним сфотографировали!

– Прекрасно. Впрочем, как вы поживаете? Мы с вами действительно давно не виделись.

Фёдорова вздохнула:

– Я рассталась с женихом.

– Это с тем тощим секретарем комсомольской ячейки?

Чем же он вам не угодил?

Фёдорова сделала большой глоток коктейля и с негодованием ответила:

– Представляете, что он мне сказал? Чтобы я бросила журналистику!

– Но зачем? – с недоумением спросил Сафонов.

– Чтобы я была у него домохозяйкой! Бросай ты, говорит, эту газету, мне нужна домашняя жена. Но самое обидное знаете что? Он сказал: не вижу твоего будущего в этих газетах, а вижу тебя барыней с самоваром и в мехах! Как у Кустодиева! У тебя, говорит, и кошка есть!

Сафонов почему-то рассмеялся.

– Извините, но это действительно смешно, – признался он.

– Нет, ну я, конечно, тоже посмеялась. Сначала. А потом сказала: да пошел ты к черту, барин выискался! А еще комсомолец!

– Правильно сделали. У вас хорошие тексты. А секретарей комсомола в Москве хватает.

По ступенькам поднялся корреспондент культурного отдела Шишкин, уставший, взмыленный и беспокойный. Фёдорова тут же вскочила со стула, схватив бокал с коктейлем, и подбежала к нему.

– Алексей Васильевич, добрый вечер! Что за день такой: Сафонова месяц не видела, а вас полтора, и вот наконец-то. Как вы? Садитесь к нам!

– Не спрашивайте, – слабо улыбнулся Шишкин. – Добрый вечер. С удовольствием сяду. Товарища Сафонова тоже давно не видел. Вы все про спорт да про культуру пишете, да?

– Спортивный отдел почему-то любит меня, – ответил Сафонов. – Но вот скоро будет текст про брянского писателя Холодова.

– Слышал, слышал. – Шишкин уселся за стол, следом села Фёдорова. – В Брянск поедете. Я тоже из командировки только что: ехал в Ленинград на встречу с поэтом Белебиным, это было то еще приключение.

– Выглядите уставшим, – заметил Сафонов.

– Еще бы! Я прибыл в Ленинград и только там узнал, что он, оказывается, живет в Парголово и работает там водовозом. Представляете? Поэт – водовозом в Парголово! Пришлось ехать в эту дыру.

– Не такая уж и дыра! – возразила Фёдорова.

– Да, но это не входило в мои планы. И вот я только что с поезда... Впрочем, ладно. Как поживает ваша кошка?

– С кошкой все в порядке. А еще я рассталась с женихом...

Сафонов сделал глоток, откинулся на спинку стула, достал папиросу, закурил и прикрыл глаза. Гостей становилось еще больше: разговоров на верхнем ярусе стало столько, что

их трудно было различить. За соседним столиком иллюстратор Варенцов и бухгалтер Седакова говорили о войне.

— А я говорю вам, что война будет, — вполголоса говорил Варенцов. — Это лишь вопрос времени. Не бывает дыма без огня.

— Глупости говорите, — ответила Седакова. — Ну какая сейчас война? Им в Европе войны мало, так еще и на нас лезть? Гитлер — не самоубийца!

— Вы ничего не понимаете. Ситуация сейчас очень плохая...

— Ой, да ну вас с вашими разговорами. Товарищ Сафонов! — обратилась она вдруг в его сторону. — А вот у вас было интервью с немцем из посольства. Как думаете, будет война?

Сафонов повернулся к ним вполоборота, затянулся папирсой и ответил:

— Глупости. Никакой войны не будет. Гитлер не самоубийца, это вы верно подметили.

— Вот видите! — торжествующе обратилась она к коллеге.

— А вы, товарищ Варенцов, бросьте эти разговоры, — добавил Сафонов. — Панику сеете почем зря. Не надо так.

Варенцов замолчал. Вид у него был угрюмый.

Сафонов вновь откинулся на спинку стула, затянулся и на секунду прикрыл глаза.

Из воспоминаний Гельмута Лаубе
Запись от 2 марта 1967 года, Берлин

Итак, в четыре утра мы выдвинулись из Брицзги к мосту через Тахунью. Погода неприятно удивила: ночью пошел снег, и земля под сапогами превратилась в хлюпающее месиво. Я подумал, что это неплохо, поскольку слякоть немного задержит продвижение республиканцев, а из-за нелетной погоды они какое-то время не смогут бомбить наши позиции. Еще и мост. Значит, мы выиграем даже не три-четыре, а как минимум пять-шесть часов. И это уже очень хорошо. Ради этого можно потерпеть мерзкую жижу под ногами.

Нас было четверо. Мы были одеты в одинаковые серые шинели и каски Адриана – ползать по слякоти в этом неудобно, но это всяко лучше, чем закоченеть, не дойдя до моста, под этим густым и пасмурным небом.

Меня звали Хосе Антонио Ньето. Это имя было взято не для конспирации (не с моей нордической физиономией притворяться испанцем, да и не нужно это было), а скорее для удобства коллег. За плечом висел на ремне пистолет-пуле-

мет Бергманна¹⁰, который должен был помочь в крайнем случае. За пояс я засунул русский револьвер, из-за голенища сапога торчал нож с гравировкой «*Alles für Deutschland*»¹¹, который четыре года назад подарили мне иштурмовики на день рождения. На груди болтался бинокль: моей задачей было переползти на другой берег, занять удобную наблюдательную позицию и следить за окрестностями, пока к мосту приматывают взрывчатку, а затем, получив сигнал, переползти на наш берег и командовать Хоакину подорвать мост.

Хоакин, небритый и малоразговорчивый паренек из Аламиноса, нес за плечами мешок, набитый брусками динамита, и карабин. Ему было тяжелее всех. Пока я выжидаю противника, он должен был быстро примотать взрывчатку к двум опорам моста справа и подать мне сигнал о готовности, после чего отползти назад вместе со мной.

Слева динамит должен был примотать Аугусто, немолодой широкоплечий андалузец с густыми черными усами. Его, как и Хоакина, вооружили карабином, а за пояс он засунул гранату. На всякий случай – так он сказал мне.

На плече у него висел моток веревки. Всю дорогу он тихо матерился и поначалу пытался шутить, но всем было не до

¹⁰ *Bergmann MP28* – немецкий пистолет-пулемет, разработанный Хуго Шмайсером в 1928 году. Применялся обеими сторонами в ходе Гражданской войны в Испании.

¹¹ «Всё для Германии» (нем.).

шуток, и мы лишь вежливо посмеивались в ответ, а потом, когда уже почти подошли к мосту, я попросил его немного помолчать.

Кнопку взрывателя должен был нажать Вито, итальянский доброволец из дивизии «Черное пламя», которого при-дали нашему отряду по прибытии в Бриуэгу. Поначалу я не доверял ему – слишком молодой и дурашливый, – но он, как оказалось, неплохо соображает в деле и отлично говорит по-испански. На плече у него висела винтовка Маузера. Впрочем, я надеялся, я очень надеялся, что стрелять нам не придется. Если бы я верил в Бога, я бы молился ему. Но вместо этого я месил сапогами скользкую жижу и угрюмо думал о деле.

Когда мы наконец дошли до поворота, от которого до моста оставалось две сотни шагов, небо стало немного светлее, но поднялся неприятный и промозглый ветер. Было пять утра. Я осторожно подобрался к середине дороги, поднял бинокль и осмотрел другой берег. Пока никого.

Слева от дороги к мосту густо разрослась тополиная роща, направо уходил пологий склон с кустарником и редкими деревьями. За мостом дорога раздваивалась, огибая высокий холм вдалеке. Я взглянул в бинокль на холм и заметил стволы орудий. Именно отсюда республиканцы обстреливали Бриуэгу. Где-то там и расположилась 14-я дивизия.

Я отошел за дерево, снял с плеча «бергманн», оперся им о землю.

– Можно перекурить, – сказал я. – Это последнее сравнительно безопасное место, потом не будет времени.

Хоакин, выдохнув, снял со спины мешок с динамитом. Мы усадились на землю, достали папиросы, закурили.

– Такая маленькая речка, – заметил Вито, глядя в сторону моста. – Ее ведь, наверное, можно перейти вброд.

– С ума сошел? Посмотрю я на тебя, когда ты будешь переходить ее вброд, – усмехнулся Аугусто. – Ты знаешь, какая там сейчас вода? Правильно, очень холодная. И сейчас там глубоко – уж поверь. Солдаты, может, как-нибудь и смогут пересечь реку, но о танках и пушках без моста им придется забыть. Это летом Тахунья здесь большие похожа на ручей, через который можно перейти и не намочить эсопу. Да, наступали бы республиканцы летом – не надо было бы взрывать мост.

– Летом уж всяко приятнее воевать, – сказал Вито.

– Воевать неприятно, – проговорил Хоакин, затягиваясь папиросой и глядя в сторону моста.

Мы все смотрели в сторону моста.

– Сейчас пять утра, – сказал я. – Они должны начать наступление на этом участке около восьми. Может быть, чуть позже. Может быть, из-за погоды они вообще отложат наступление. Но закончить все мы должны максимум через час.

– Даже странно, что на том берегу еще никого нет – они должны были выставить хотя бы передовой отряд, – в го-

лосе Аугусто появилось волнение.

— Они же анархисты, — заметил Вито. — Дивизией командует Сиприано Мера. Он раньше работал каменщиком. Думаешь, он гений стратегии?

Аугусто нервно рассмеялся:

— Мне кажется, до этих *hijos de la puta*¹² даже не сразу дойдет, что мы взорвали мост. Где они вообще?

— Мера неплохой командир, — сказал Хоакин.

Я снова оглядел другой берег через бинокль. Пехоты противника по-прежнему не было видно. Опасения внушал холм: с него участок моста просматривался как на ладони, но на нашей стороне были предрассветные сумерки и плохая видимость. Должно получиться, думал я. Точно должно получиться.

— Вито, — сказал я. — Видишь небольшую насыпь перед мостом? Ты спрячешься за ней со взрывателем. Тщательно осматривай другой берег, подстрахуешь меня, когда я буду там, и заодно всех нас. Если что-то пойдет не так, я дам сигнал. У тебя хорошая винтовка, но надеюсь, что она не пригодится.

Вито внимательно слушал и кивал.

— Прячься за насыпью как следует и старайся не рисковать собой без надобности, — продолжил я. — У тебя взрыватель, ты должен привести его в действие. Мост должен быть взорван, даже если мы все погибнем. Я говорю это не

¹² Сукины дети (исп.).

ради пафоса – просто так оно и есть.

– Тебе повезло, Вито, – захохотал Аугусто. – В учебниках истории напишут, что этот мост взорвали итальянцы!

Вито насупился, Хоакин криво усмехнулся.

– Не обижайся, – добавил Аугусто. – Ты отличный парень, но ваши ребята очень хреново воюют.

– Сейчас я дам тебе в зубы, – вспыхнул Вито.

– Тихо, тихо! – Я повысил голос. – Драться будете потом. Кто будет сейчас переругиваться, тому я сам дам в зубы. Аугусто, Хоакин, постарайтесь сделать все как можно быстрее. Когда дойдем до берега, раскидайте динамит по своим сумкам, дайте Вито взрыватель, ползите на мост, перелезайте через перила и спускайтесь. На опорах есть небольшие укрепления, на них можно встать – только уж постарайтесь не свалиться в воду ради бога.

Если все пройдет хорошо, вам не придется даже испугаться. Главное – приматайте динамит проволокой крепче.

– Будем проявлять чудеса акробатики, – улыбнулся Аугусто. – Хоакин, почему молчишь? Как настроение? Не боишься?

– Не боюсь, – ответил Хоакин. – Разве что немного. Никогда не взрывал мосты.

– Все, пора. – Я докурил папиросу и швырнул ее в лужу. Теоретически это место уже вполне могло простреливаться, а потому стоило быть максимально бдительным.

Через рошу мы пробирались пригнувшись. В полусотне шагов от моста я приказал залечь и подбираться ползком, потому что из-за деревьев нельзя было разглядеть противника на другом берегу, а нас вполне можно было засечь с холма.

Мерзкая слякоть!

Я полз впереди, время от времени подавал сигнал остановиться, приподнимался на одно колено и вновь осматривал другой берег через бинокль. Действительно, пока никого. На холме тоже не было никакого движения. Руки и сапоги утопали в грязи, полы шинели отяжелели от воды и мешались под ногами, пулемет то и дело норовил свалиться со спины в жижу. Возле берега мы остановились: роша подходила прямо к воде.

Я привалился к стволу тополя, посмотрел в бинокль: все еще никого. Я указал Хоакину на мешок, он начал развязывать его и доставать бруски динамита, смотанные проводом.

– Провода точно хватит? – забеспокоился Аугусто.

– Должно хватить, – сказал Хоакин.

Вместе они набили свои сумки взрывчаткой, взвалили мотки провода на плечи и прицепили на пояса веревки.

– Рук бы на все хватило, – усмехнулся в усы Аугусто.

– Начали, – прошептал я. – Аугусто, Хоакин – за мной, на мост. Бегом, пригнувшись, за деревьями. По мосту пробираться только ползком. Вито – хватай взрыватель и ло-

жись за насыпью. Пошли.

Прячась за тополями, мы подбежали к мосту. У берега я вновь бегло оглядел окрестности в бинокль. Все еще тихо. Я залег на мост и стал ползти вперед, быстро передвигая локтями и коленями. Хоакин и Аугусто ползли за мной.

Я обернулся и увидел, что Аугусто и Хоакин почти синхронно перелезают через перила и спускаются к опорам. Я надеялся, что никто из них не свалится в воду. Это было бы очень глупо. Пополз дальше.

Добравшись до конца моста, я переполз в кусты на правой стороне, откуда хорошо просматривались обе дороги. Снова обернулся и увидел Хоакина, стоявшего на опоре и разматывающего веревку. «Молодец», – подумал я. Аугусто я не видел за мостом, но был уверен, что он справится.

Я положил перед собой пулемет, осмотрел в бинокль обе дороги и холм. Никого, никого, никого. Пусть они быстрее справятся, думал я, пусть не придется стрелять. Я направил дуло в сторону холма и ждал.

Они могли пойти справа, слева или прямо с холма. Я по очереди осматривал все три стороны и оборачивался.

Хоакин стоял на укреплении, широко расставив ноги и обхватив коленями опору, и торопливо приматывал брусок динамита веревкой к металлической подпорке.

Снова посмотрел влево, вперед, вправо. Спокойно.

Я взглянул за мост: из-за насыпи совсем не было видно Вито. Хорошо.

Небо становилось светлее.

Наконец Хоакин закончил возиться с первой опорой, обернулся в мою сторону, поднял руку и стал карабкаться наверх. Как там Аугусто? Я нервничал.

Влево, вперед, вправо. Никого.

Хоакин забрался на мост и пополз вперед с сумкой динамита, разматывая за собой провод.

Аугусто, черт тебя дери, сколько можно возиться.

Влево, вперед, вправо – чисто.

Я побарабанил пальцами по магазину «бергманна», оглядывая окрестности. Неужели все будет хорошо? Стоп, нельзя расслабляться, к тому же Аугусто слишком долго привязывает динамит.

Когда Хоакин уже переполз мост и начал спускаться ко второй опоре, я увидел, что из-за моста поднялась рука Аугусто.

Наконец-то.

Он медленно выползал из-за перил, держа в зубах сумку с динамитом. «Молодец», – думал я. Я вспомнил, что он, в отличие от Хоакина, довольно высокий и грузный, поэтому ему было труднее. Надо было послать Вито. Но Вито лучше стрелял.

Хоакин встал ногами на укрепление и начал доставать динамит. Аугусто лег и медленно пополз вперед. Вито не было видно за насыпью: я посмотрел в бинокль и увидел дуло его пулемета.

Влево, вперед, вправо. Вперед, влево, назад. Влево.

В сотне шагов от меня неподалеку от дороги, уходящей влево, зашевелились кусты.

Так, этого еще не хватало.

Я вжался в землю, снял с предохранителя «бергманн», направил его в сторону кустов и глянул в бинокль.

В кустах промелькнула тень в серой шинели. За ней быстро проскочила еще одна. И еще.

Твою мать, твою мать, твою мать.

Я медленно и осторожно отполз чуть назад, уткнувшись лицом в грязную и холодную кочку. Снова поднял бинокль. Кажется, меня они не видели.

Их было как минимум трое, и они двигались в кустах то ползком, то пригнувшись, в нашу сторону. Чуть левее к ним приближалась еще одна фигура. Четверо. И еще... Черт, черт, черт.

Как я мог их не заметить? Они определенно направлялись к мосту.

Я обернулся. Хоакин уже приматывал динамит к опоре, Аугусто дополз до середины моста. Снова посмотрел в бинокль. Тот, кого я заметил первым – я даже разглядел его лицо с острым орлиным носом и тонкими усиками, – явно командовал остальными, он что-то шептал солдату справа и показывал пальцем в сторону моста.

Они явно видели Аугусто. Хоакина, скорее всего, тоже успели заметить. На его счастье, он стоял с противопо-

ложной стороны опоры.

Я снова обернулся. Надо было как-то подать знак, но республиканцы могли заметить это. Черт, вот же ситуация. Мое сердце заколотилось как бешеное, в глаза лезли капли пота. Зараза, они же видят Аугусто! Видит ли их Вито? Вряд ли, они отлично спрятались за кустами. Если даже я так долго не мог их заметить. Видимо, они уже давно следили здесь за нами.

Я беззвучно выругался в холодную слякоть, положил палец на спусковой крючок и прицелился в командира. «Лучший знак для Хоакина и Аугусто – это стрельба, – размышлял я. – Они парни неглупые и сразу смекнут, что нужно без лишнего раздумий прыгать в воду и добираться до берега. Если я убью командира, солдаты придут в замешательство, а там можно и остальных положить. Вито тоже услышит стрельбу и прикроет меня».

Краем глаза я заметил шевеление на склоне холма.

Да что ж такое!

По холму в нашу сторону спускался отряд из дюжины солдат. Они были в шинелях и в касках, за плечами висели винтовки. Видимо, просто патруль.

Я снова грязно выругался. Если они услышат стрельбу, то тут же окажутся здесь. А с ними уже и вся дивизия. Вся чертова 14-я дивизия Сиприано, мать его, Меры.

Все решилось без моего участия.

Со стороны кустов хлопнули два выстрела.

Я быстро обернулся. Аугусто больше не полз вперед. Он лежал ничком на мосту, перед ним валялась сумка, из которой вывалились два куска динамита.

Из-за насыпи, где лежал Вито, прогремел ответный выстрел. Хоакин выглянул из-за опоры, выматерился и продолжил приматывать динамит, еще сильнее прижавшись к колонне.

Я прицелился в командира и нажал на спусковой крючок. Слишком дрожали руки: его не задело, но один из солдат рухнул лицом вниз. Они залегли.

Я быстро отполз и оказался почти у берега. В мою сторону начали стрелять, я услышал несколько ружейных хлопков и очередь из пистолета-пулемета. Выглянул из-за укрытия: солдаты на холме сняли винтовки с плеч и побежали в нашу сторону. На самом холме появились еще несколько темных фигур.

У Аугусто за поясом была граната, вспомнил я. Если взорвется динамит, сдетонирует и она. Это добавит взрыву мощности.

Хоакин высунулся из-за опоры, поднял руку в знак готовности, вскинул на плечо карабин и прыгнул в воду. Прикрепил взрывчатку. «Молодец, – подумал я, – теперь доберись до берега».

Со стороны кустов снова начали стрелять – уже по реке. Вито продолжал вести огонь. Я направил ствол в сторону противника и дал очередь вслепую. Я снова откатился: надо

мною засвистели пули.

По мосту дороги не было – верная смерть. Только вплавь. Я увидел, как плыл Хоакин: его шинель распласталась на воде, он явно захлебывался.

Мне нужно было скорее уходить вслед за ними, но в мою сторону палили. Солдаты, которых я заметил на холме, уже вот-вот будут здесь. Я перекатился влево, ближе к мосту, снова высунулся, быстро прицелился в одну из серых фигур, бежавших в нашу сторону, и спустил курок. Солдат вскрикнул и нелепо завалился набок.

Я скатился вниз по берегу и побежал к воде. Сзади снова затрещали выстрелы, и мою ногу вдруг обожгло резким ударом.

Я закричал и свалился в грязь. Зарычал от боли, крепко сжал зубы и пополз под мост. Нога не слушалась, штанину заливало горячей кровью. Я заполз под мост, перевернулся на спину и направил дуло вверх – туда, откуда могли прибежать.

С нашего берега я слышал, как Вито ведет огонь по врагу и кричит: «*Chirate la verga!*»¹³

Выстрелы со стороны холма стихли. Неужели Вито уложил их? Я понял – это мой шанс, пока не подбежал патруль. Я подтянул простреленную ногу, с трудом попытался встать и на карачках пополз к воде. Сзади послышался топот сапог.

¹³ «Отсоси!» (исп.)

Обернувшись, я тут же получил мощный удар в челюсть рукоятью револьвера и свалился в воду у кромки берега. На меня навалилось сильное тело в шинели, и я увидел лицо: это был тот самый командир с орлиным носом, его лицо перекосила гримаса злобы. Он вцепился пальцами в шею и начал душить меня. Я попытался разжать его руки – это было невозможно. Он смотрел прямо мне в глаза, я видел его черные зрачки и чуял запах из его открытого в злобном рычании рта.

Я скользнул к окровавленному сапогу, быстрым движением выхватил нож и всадил его командиру в глаз.

Он заревел и схватился за лицо.

Я высвободился из-под него, подхватил «бергманн» и снова пополз к воде.

– *Cabrones!* – раздался сзади нечеловеческий рев.

Я оглянулся: командир держался за окровавленное лицо, из которого торчала рукоять моего ножа, катался по земле и зверски кричал, повторяя одно и то же слово:

– *Cabrones! Cabrones! Cabrones!*

Я пополз в воду, не чувствуя ни боли, ни холода, срывая шинель, добрался до первой опоры, поплыл, загребая одной рукой – в другой был «бергманн», – и снова услышал выстрелы в мою сторону. Пули ударялись о бетон. У дальней опоры моста плавала шинель Хоакина, самого его не было видно. Захлебываясь, я доплыл до середины моста и услышал голос Вито:

– Быстрее! Мы уложили этих шестерых, но теперь там солдаты, и еще целая толпа спускается с холма, на дороге танки!

Значит, шестерых, подумал я и поплыл изо всех сил.

– *Sabrones!* – доносилось сзади.

Когда я доплыл до опоры, возле которой плавала шинель Хоакина, я понял, что ошибся. Это был Хоакин. Он медленно погружался в воду с простреленной головой, широко расставив руки и глядя в никуда остекленевшими глазами. Вокруг расплывалось красное.

Я сначала подумал, что его тело надо вытащить на берег, но выстрелы стали чаще и точнее: одна из пуль ударилась в бетон прямо над моей головой. Я поплыл дальше.

Нащупав ногами дно, я попытался побежать, но забыл о простреленной ноге: пришлось плыть дальше, а из реки выползть уже на карачках, так быстро, как только мог.

Я обернулся. На противоположном берегу засела цепь республиканцев, около двух десятков. И это только с одной стороны. Над командиром с ножом в глазу склонились двое – он был еще жив и продолжал кричать. Еще как минимум два взвода бегом спускались с холма. По дороге справа к мосту медленно подъезжал танк. Вито говорил о них во множественном числе – значит, не один.

– Взрывай! Взрывай к чертям! – Я попытался крикнуть как можно громче, но из-за холодной воды и одышки мой голос стал похож на беспомощный хрип, и я закричал что

было сил, срывая связи: – Взрывай!

Я даже не успел залечь лицом вниз, только беспомощно прикрывшись руками. Чудовищный, невыносимый грохот заложил мне уши, оглушил, толкнул в сторону и перевернул, обдал жаром и зазвенел в моей голове всеми колоколами мира.

– Cabrones! – раздавалось сквозь этот звон с другого берега, отдаваясь внутри моей черепной коробки многократным «ones».

Меня присыпало землей и бетонной крошкой. Не видя ничего и слыша лишь повторяющийся грохот и звон, я пополз вперед, вслепую, падая лицом в холодную жижу, зачерпывая ее руками, вцепившись мертвой хваткой в ремень «бергманна», как в спасательный круг.

– Уходим быстрее, да-да, быстрее... – говорил я.

Вито подхватил меня и потащил к дороге, повесив себе на плечо винтовку и мой «бергманн». Я ступал одной ногой. Он опять что-то говорил, но я ничего не мог слышать, в голове продолжался бесконечный звон. Обернувшись, я увидел вместо моста клубы дыма и пыли. Наверное, по нам продолжали стрелять, но я этого не слышал.

Мы с Вито пересекли дорогу, забрались в рощу и залегли за деревом. Он очень тяжело дышал, а я начинал различать звуки стрельбы. Отдышавшись, Вито снова подхватил меня и потащил через деревья.

Когда мы добрались через рощу до поворота, где было сравнительно безопасно, я ненадолго отключился – Вито го-

ворил, что всего на десять секунд. Я пришел в себя от его шлепков по щеке.

— Вито, — спросил я. — Как все прошло?

Вито беззвучно зашевелил губами.

— Как? — переспросил я.

— Плохо! — прокричал он над моим ухом.

— Вито... — Я оперся на его плечо и заковылял вместе с ним по дороге. — А что такое «cabrones»?

Он что-то ответил.

— Что? — переспросил я.

— Нехорошие люди! — проорал мне в ухо Вито.

*** * ***

ВЫПИСКА

из протокола допроса подозреваемого в шпионаже
Гельмута Лаубе от 6 июля 1941 года

Вопрос. Как вы оцениваете результаты операции по взрыву моста под Бриуэгой?

Ответ. Оно не стоило того. Погибли два хороших бойца. Продвижение республиканцев удалось задержать всего на пять часов. Это не сильно помогло гарнизону. Город окружили.

Вопрос. Вы считаете себя виноватым в гибели ваших бойцов?

Ответ. Нет.

Вопрос. Но вы отвечали за них и командовали

ими. При этом за операцию вас наградили золотым Испанским крестом.

Ответ. Все пошло не так. Они знали, чем это могло закончиться. Что касается награды – я ни разу не надевал ее. Я знаю, что не заслужил.

Вопрос. Как вы оцениваете свои качества как бойца и командира?

Ответ. Я хорошо стреляю. Умею быстро принимать решения в трудных ситуациях. Если бы я остался работать после Испании, я бы стал неплохим командиром диверсантов.

Вопрос. Но вы ушли.

Ответ. Да.

Вопрос. После взрыва моста вас эвакуировали из Бриуэги и отправили лечиться в Берлин?

Ответ. Да.

Вопрос. Чем вы занимались после выздоровления?

Ответ. Я оставил разведку. Устроился обозревателем в «Бёрзен Цайтунг», работал журналистом.

Вопрос. Вы поддерживали связь с бывшими коллегами по разведке?

Ответ. Да.

Вопрос. Вы общались после той операции с итальянцем, который тащил вас на руках?

Ответ. Нет. В Берлине я узнал, что через неделю после взрыва моста его поймали и расстреляли республиканцы.

Вопрос. Когда вам поступило предложение снова заняться разведкой?

Ответ. В сентябре 1938 года мне предложили поступить на работу в СД.

Вопрос. Почему вы согласились?

Ответ. Мне было скучно заниматься журналистикой. Я согласился с условием, что не буду выполнять диверсионные задания.

Вопрос. То есть все-таки не настолько было скучно? Не хотелось больше лезть под пули?

Ответ. Не хотелось.

Вопрос. Вы фактически перешли в СД из абвера. Бывшие коллеги не противились этому?

Ответ. Нет.

Вопрос. Может быть, предлагая вам службу, в СД хотели насолить абверу? Вы были ценным кадром.

Ответ. Может быть. Спасибо.

Вопрос. До июня этого года вы знали, кто такой Рауль Игнасио Сальгадо?

Ответ. Нет.

* * *

Москва, 13 июня 1941 года, 20:15

Фёдорова пила коктейль и хохотала. Гости продолжали прибывать, почти все столики на верхнем ярусе были заняты. Костевича, однако, все не было: Сафонов заказал еще один бокал и пожалел, что не поужинал перед вечером.

– Именинник вообще придет? – поинтересовался Шишкин.

– Куда он денется! – ответила Фёдорова. – В прошлом году он опоздал на свой день рождения на сорок минут. Так что ждите, ждите.

– Олег, – обратился Шишкин к Сафонову. – Костевич говорил, что вы знакомы с писателем Холодовым. Откуда вы его знаете?

– Мы общались с ним после его московского творческого вечера в январе этого года. Попили с ним пива, неплохо подружились. Общаемся иногда в переписке, хоть и письма идут ужасно долго.

– Ха-ха, а мне он говорил, что пива не пьет, вот хитрец! – рассмеялся Шишкин. – Ну да ладно, ваше здоровье.

Он поднял бокал и сделал глоток.

– Боюсь, когда придет начальство, дорогая редакция выпьет здесь все, – заметила Фёдорова.

Зал внизу оживился. Сафонов посмотрел через ограду и увидел, что в ресторан входит Костевич, а за ним – еще двое.

– Именинник пришел! – закричала Фёдорова.

– Наконец-то, – улыбнулся Шишкин.

Все повернулись к лестнице, подняли бокалы и встали.

Костевич поднялся. Он был уставший, но довольно улыбался.

– Добрый вечер, дорогая редакция! – громко сказал он.

– С днем рождения, Тарас Васильевич! – хором прокри-

чали пятнадцать человек. – Ура! Ура! Ура!

– Спасибо, спасибо, дорогие мои. Спасибо!

Он кивнул людям, стоявшим на лестнице ниже, и они тоже поднялись.

В одном из них Сафонов узнал Сергеева, новенького сотрудника отдела культуры, приехавшего из Самары – видно, Костевич решил проводить его, чтобы тот не потерялся.

Второй был высок, черноволос, в плотном, сером в темную полоску костюме с красным бантом на лацкане и ордене на груди. Виски поседели, высокий лоб перерезали глубокие морщины, нос выгибался орлиной горбинкой над тонкими усиками.

Левый его глаз был черным, а правый – чуть посветлее, мутный и безжизненный, почти круглый, с широко раскрытыми веками. «Это стеклянный глаз», – понял вдруг Сафонов.

Вверх и вниз от бельма расходился короткий шрам.

– Позвольте представить вам, – Костевич показал на одного из них, – великого человека! Это герой испанской войны, один из лучших командиров в дивизии легендарного Сиприано Меры, товарищ Рауль Игнасио Сальгадо. Этот человек получил тяжелейшее ранение под Гвадалахарой, но не оставил командование. К сожалению, сейчас товарищ Сальгадо вынужден жить вдали от родины, где правят франкисты, но Советский Союз с радостью принял верного друга. Поприветствуйте героя Испании!

Редакция захлопала в ладоши. Костевич с торжествующим видом направился к своему столику и, пройдя мимо Сафонова, сказал:

– Вот, товарищ Сафонов, у кого надо брать интервью. Вот настоящий герой, настоящий человек, не то что этот твой немец. Вот какие люди нам нужны! Вернешься из Брянска – обсудим.

– Да, вы правы, – глухо ответил Сафонов.

У него пересохло во рту. Его пальцы вцепились в бокал, зубы сжались. Он попытался выровнять дыхание и собраться с мыслями.

Рауль Игнасио Сальгадо смотрел на него стеклянным взглядом и приветливо улыбался.

* * *

Сов. секретно

20 января 1941 г.

Следователю 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР

майору гос. безопасности

тов. ОРЛОВСКОМУ

РАПОРТ

В ответ на ваш запрос о корреспонденте
САФОНОВЕ О. С. сообщаю следующее.

Преданный коммунист. Член ВКП(б) с декабря 1940 года. Родился 22 июля 1905 года в городе Оренбурге. В 1923 году переехал в Москву, работал в газете

«Красная Новь». В 1940 году был командирован в Тегеран, где был избит и ограблен неизвестными. Потерял документы, обратился в советское посольство, вернулся в Москву. Корреспондентом отдела культуры «Комсомольской правды» работает с ноября 1940 года.

Коллеги отзываются о нем как о блестящем авторе с хорошо поставленным слогом. Крепкий профессионал. В общении с товарищами по работе безукоризненно вежлив. Всегда готов прийти на выручку, рабочие задания исполняет точно в срок. Готов задерживаться на работе до глубокой ночи. Ни разу не опаздывал на рабочее место и не прогуливал. Беспорядочную половую жизнь не ведет.

Много курит, иногда пьет пиво, но занимается спортом. В нерабочие часы иногда проводит время вместе с коллегами, которые отзываются о нем как о добром и обаятельном человеке.

Характеристику профессиональных качеств САФОНОВА О. С. могу дать исключительно положительную.

Руководитель отдела культуры КОСТЕВИЧ Т. В.

III

Одноглазый

Тень надвигалась на небо, она пришла со стороны моря и закрыла солнце, и каждый, кто жил в древнем городе, думал, что это конец. Перестали лаять собаки, и дети не плакали, и вместе с тенью пришла тишина, от которой звенело в ушах. Люди вышли на улицы и замолчали, подняв головы вверх; они ждали, что небо расколется пополам и польет черный дождь, который будет длиться тридцать лет. Так было написано в книгах, так рассказывали старики.

И каждый поставил в окне по свече.
Из рассказа Юрия Холодова «Серая буря»

* * *

ВЫПИСКА

из протокола допроса подозреваемого в
сотрудничестве с германской разведкой красноармейца
Холодова Юрия Васильевича

от 15 августа 1941 года

Вопрос. Вы знакомы с Сафоновым Олегом
Сергеевичем?

Ответ. Нет.

Вопрос. Может быть, вам знаком Воронов Виталий Андреевич?

Ответ. Нет.

Вопрос. Вы знаете человека по имени Гельмут Лаубе?

Ответ. Нет.

Вопрос. Посмотрите на эту фотокарточку. Вы когда-нибудь видели этого человека?

Ответ. Не могу припомнить, если честно. У меня плохая память на лица. Но точно могу сказать, что я не общался с ним и не был с ним знаком.

Вопрос. Вы знали о том, что с вами готовится интервью?

Ответ. Да, мне сообщил об этом начальник гарнизона. Он сказал, что ему звонили из Москвы.

Вопрос. Задержанный Сафонов утверждал ранее, что был знаком с вами, и на этом основании просил у начальства командировку в Брянск, чтобы написать о вас.

Ответ. Я не был знаком ни с каким Сафоновым.

Вопрос. Но начальник гарнизона утверждает, что он сообщил вам о словах Сафонова. Неужели это не показалось вам подозрительным?

Ответ. Мне было сказано, что со мной хочет сделать интервью какой-то журналист, который знает меня и с которым я общался. Я общался со многими журналистами, многие из них меня знают. Я не увидел в этом ничего странного.

Вопрос. Также Сафонов ранее утверждал в

разговорах с коллегами, что общался с вами по переписке. Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ. Он врет. Вы сами знаете, что вся моя почта просматривается: последнее письмо я получил в феврале этого года от ленинградского писателя Юлиана Фейха. Ни Сафонов, ни Воронов, ни Гельмут... Как вы сказали?

Вопрос. Лаубе.

Ответ. Ни Гельмут Лаубе – никто из этих людей никогда не писал мне.

Вопрос. Если следствие проведет очную ставку, вы сможете сказать, знакомы ли с этим человеком?

Ответ. Если это поможет делу – да, конечно.

Вопрос. Вы когда-нибудь общались с сотрудником германского посольства в Москве Клаусом Кестером?

Ответ. Нет.

Вопрос. Еще один вопрос. Вы пьете?

Ответ. Прошу прощения, не понял.

Вопрос. Алкогольные напитки пьете? Пиво, водку. Вино? Шнапс?

Ответ. Нет, нет. То есть, конечно, иногда по праздникам могу позволить себе сто грамм, но пиво, к примеру, вообще не переносу.

* * *

Москва, 13 июня 1941 года, 20:40

Узнал или нет? Узнал или нет? Только одна мысль билась в голове у Сафонова. Одноглазый испанец ходил между столиками, вежливо улыбался и заговаривал с каждым, кто подходил к нему. На Сафонова он больше не смотрел. Костевич засел с тремя товарищами в самом дальнем углу и попросил у официанта графин водки – коктейли он не любил. Шишкин и Фёдорова увлеченно беседовали о кинематографе.

Поборов первый приступ паники, Сафонов вдруг понял, что он выпил уже четыре бокала, но до сих пор абсолютно трезв. Неудивительно, подумал он. Страшные мысли теснились в его голове – одна тревожнее другой.

«А может быть, они все давно знают и специально подошли сюда, чтобы он опознал меня? Но он посмотрел на меня только один раз. К тому же разве можно запомнить человека, которого ты видел всего один раз в течение минуты? – Он сам рассмеялся своему вопросу. – Конечно, – сказал он себе. – Ты же запомнил человека, которому воткнул нож в глаз. И он наверняка запомнил, кто лишил его глаза. Хорошо запомнил. Или нет?»

– Товарищ Сальгадо, товарищ Сальгадо, а посидите с нами! Расскажите об испанской войне, – крикнула Фёдорова, когда он подошел ближе к их столику.

«Этого еще не хватало», – подумал Сафонов.

Но затем он рассудил, что это хороший способ понять, помнит ли его Сальгадо. Он сделал еще один глоток коктейля и закурил: табачный дым успокаивал мысли.

– Вы курите одну за другой, – сказал испанец на чистейшем русском с небольшим акцентом, стоя прямо над ним.

– Да. Я начинаю больше курить, когда пью. Присаживайтесь. – Сафонов изо всех сил старался выдерживать спокойствие и беззаботность.

Сальгадо сел между Шишкиным и Фёдоровой, прямо напротив Сафонова. Фёдорова облокотилась на стол, повернувшись к нему, и принялась расспрашивать:

– Расскажите, как вам в Советском Союзе? Вы здесь давно? И откуда вы так хорошо знаете русский?

– Здесь хорошо, – медленно заговорил Сальгадо. – Мне очень нравятся русские. Мы с вами очень похожи: в нашем языке тоже есть звук «р». И у нас весьма похожие национальные характеры. Мы вспыльчивые, но великодушные. Мы умеем веселиться до умопомрачения, а когда мы грустим, об этом слышат даже на небесах. – Он снова взглянул на Сафонова без каких-либо эмоций, с той же вежливой улыбкой. – Я оставил Испанию в январе тридцать девятого после падения Барселоны, – продолжил Сальгадо. – Переехать в Советскую Россию мне посоветовали мои русские друзья. Я много общался с советскими товарищами во время войны и начал учить русский уже тогда.

– А их было много? Советских товарищей? – любопытствовал Шишкин.

– Если я вам все расскажу, я раскрою некоторые тайны, – улыбнулся Сальгадо. – Могу сказать, что до сих пор поддер-

живаю контакты с некоторыми из друзей по этой войне. Например, мой хороший товарищ Орловский всегда говорит, что война может отобрать у человека многое, но иногда дает ему самое главное – верных друзей.

У Сафонова помутнело в голове. Это было сродни удару под дых. Невероятным усилием он заставил себя улыбнуться.

– А вы общались с товарищем Мерой? – спросила Фёдорова.

– Конечно. Мы очень хорошо общались. Это великий человек и очень хороший командир. Я надеюсь, с ним все будет в порядке ¹⁴.

– А расскажите про ваше ранение! – сказал вдруг Шишкин.

Сальгадо снова улыбнулся, но уже не так вежливо.

– Лучше в другой раз. Это не тема для застольной беседы. Фёдорова гневно взглянула на Шишкина.

– Товарищ Сальгадо, давайте наконец выпьем! – раздался из-за дальнего стола голос Костевича.

– Прошу простить меня. – Испанец медленно поднялся из-за стола и направился было к другому столику, но вдруг обернулся и снова обратился к Сафонову: – Кстати, мы с вами, случайно, не встречались?

¹⁴ Незадолго до поражения республиканцев Сиприано Мера эвакуировался в Оран, а оттуда – в Касабланку. В феврале 1942 года его экстрадировали в Испанию, где осудили на 30 лет заключения, но освободили в 1946 году.

Сафонов попытался уловить хотя бы одну эмоцию в его лице – издевку или недоумение, – но Сальгадо был непроницаем.

– Вряд ли, – ответил он. – С другой стороны, я все-таки журналист. Может, на каком-нибудь мероприятии вы меня и видели.

– Может быть. – Лицо Сальгадо стало спокойнее.

– А, да, – добавил Сафонов. – Товарищ Костевич хотел, чтобы я взял у вас интервью, если это возможно. Я уезжаю и вернусь в Москву двадцать второго числа. Можно ли будет с вами поговорить и сделать материал?

Сальгадо задумался:

– Да, конечно, можно. Когда вернетесь, свяжитесь со мной через Тараса Васильевича, и я думаю, что мы сможем это устроить.

– Большое спасибо.

– До свидания. – Сальгадо слегка кивнул, снова улыбнулся и ушел.

За столом повисло молчание. Первой его нарушила Фёдорова:

– Шишкин, ты идиот. Нельзя спрашивать о таких вещах.

– Да, извини, видимо, перебрал... – Шишкин явно был растерян.

– Да, это неправильно, – добавил Сафонов.

Мысли в голове путались и давили друг друга.

Этот испанец.

Майор Орловский.

Да что, черт возьми, происходит.

«Разведчикам нельзя верить в совпадения, – думал он. – Тем не менее совпадения бывают. Даже такие. Но верить в них нельзя. Никак нельзя».

Да это же просто невозможно!

– Товарищи, уже поздно. Я выпью еще бокал и, пожалуй, скоро пойду. В голове уже немного шумит, – сказал он.

– Рановато вы, – ответила Фёдорова. – Впрочем, я тоже скоро пойду.

Спустя полчаса Сафонов распрощался с коллегами и собрался уходить. Он подошел к Костевичу, чтобы пожать ему руку – тот уже был совсем нетрезв, – и снова взглянул на Сальгадо, и снова не обнаружил ни одной эмоции, которая сказала бы хоть что-то. Только вежливая улыбка и стеклянный глаз. С этой улыбкой он рассказывал захмелевшему Костевичу и его коллегам о Лорке.

– Я читал Лорку перед сном, когда мы сидели в казармах под Мадридом. Когда вокруг война и смерть, утешение можно найти только в стихах и вине. Но вино я не пил.

– Не думал, что вы любите поэзию, – сказал Сафонов, осмелев и подойдя ближе.

– А что, я не похож на человека, который любит поэзию? – Сальгадо вдруг засмеялся. – Конечно, с одним глазом труднее читать, но многие вещи Лорки я до сих пор помню наизусть.

– Прочитайте что-нибудь! – запинаясь, сказал Костевич.

Сальгадо поднял бокал, прикрыл единственный глаз – это выглядело чудовищно – и стал читать, и лицо его в этот момент впервые за все время изменилось.

Andamos
sobre un espejo,
sin azogue,
sobre un cristal
sin nubes.
Si los lirios nacieran
al revés,
si las rosas nacieran
al revés,
si todas las raíces
miraran las estrellas,
y el muerto no cerrara
sus ojos,
seríamos como cisnes.

Сальгадо читал тихо, с долгими паузами. Костевич слушал, зачем-то кивая.

– О чем это? – спросил он, когда Сальгадо закончил читать.

– О том, что мы все ходим по незрячему зеркалу, по прозрачному стеклу. И если бы ирисы росли лепестками вниз, и розы цвели лепестками вниз, и если бы корни могли видеть звезды, а мертвый спал с открытыми глазами, то мы были бы

лебедами, — ответил Сальгадо, и вежливая улыбка вернулась на его непроницаемое лицо.

— Я ничего не понял, но это красиво. Выпьем? — предложил Костевич.

— Выпьем за месть, — сказал вдруг Сальгадо.

Сафонов вздрогнул.

— Выпьем за месть, — продолжил испанец. — Я хочу, чтобы те, кто убил Лорку, были мертвы. Эти фашистские твари убили его. Я читал его еще до войны. А потом они убили его. Я читал его в окопах, он давал мне надежду, он дарил нам всем красоту, но они убили его. Я надеюсь, что когда-нибудь они поплатятся. За месть!

Они чокнулись бокалами.

— Кстати, ходят слухи, будто Лорка жив, — добавил Сальгадо, отпив из бокала. — Я слышал историю, будто на самом деле он потерял память и отправился бродягой по Гранаде. Не знаю, правда ли это. Скорее нет. В Гранаде и Севилье его знали все, с ним не здоровались разве что лошади. Как вы думаете, что хуже — умереть или потерять память?

— Товарищи, — робко прервал его Сафонов. — Я хотел сказать, что мне пора. Спасибо за хороший вечер.

— Сафонов! — пьяным голосом ответил Костевич. — Ну ты и сволочь! Ладно, иди, ха-ха.

Они пожали друг другу руки.

— Товарищ Сальгадо, увидимся после двадцать второго числа. Надеюсь.

– Увидимся, – ответил Сальгадо.

Ему он тоже пожал руку.

К полуночи Сафонов вернулся домой. Заснуть ему удалось только в четыре утра. Он боялся.

* * *

Из воспоминаний Гельмута Лаубе

Запись от 2 марта 1967 года, Восточный Берлин

Поскольку мое детство прошло в России, русское слово «язычники» я узнал раньше, чем немецкое «Heiden».

Когда я впервые услышал это из уст сельского священника (мне было, кажется, семь лет), мое воображение живо отождествило это понятие со словом «язык». Таким и вырос для меня этот образ: языки ритуального пламени и высунутые в безумном экстазе языки беснующихся плясунов вокруг костра. Уже потом я узнал, что произошло это слово от древнеславянского «народ», но образ остался прежним. Он снова всплыл в памяти, когда в Германии началась тяга к дохристианскому прошлому. Я смотрел на статуи Арно Брекера, читал германские мифы, слушал Вагнера – а в голове у меня по-прежнему возникало слово «язычники» вместе с исступленными ночными плясками у костра, которые нарисовало мне мое детское воображение. Образ, что и говорить, совсем далекий от каменной суровости древних

воинов в доспехах.

Интересно, что нашли бы на острове Рюген, если бы состоялась экспедиция, о которой упоминал Кестер в нашем последнем интервью?

После Испании я долго лежал в берлинской больнице, и однажды мне принесли почитать книгу о скандинавской мифологии. Так я узнал о мосте Биврест, который должны разрушить огненные великаны из Муспелльхейма во время конца света.

Разве тебе неизвестно, что боги построили мост от земли до неба, и зовется мост Биврест? Ты его, верно, видел. Может стать, что ты зовешь его радугой. Он трех цветов и очень прочен и сделан нельзя искуснее и хитрее. Но как ни прочен этот мост, и он подломится, когда поедут по нему на своих конях сыны Муспелля, и переплывут их кони великие реки и помчатся дальше.

Мосты были и остаются моей больной темой. Если вы хотите обсудить мосты, лучше найдите кого-то другого. Ненавижу мосты.

Я засыпал, дочитав «Видения Гюльви», и мне снилось, как я взрываю мост Биврест, чтобы полчища огненных великанов не прорвались в Асгард, но все было напрасно. Страж богов Хеймдалль трубил в громкий рог, и я просыпался. Такие яркие и донельзя пафосные сны, очевидно, были спрово-

цированы контузией.

Впрочем, с некоторых пор сны — тоже моя больная тема.

Ногу мне залечили довольно быстро. Через две недели после госпитализации я уже мог ходить с тростью. Я гулял по больничному парку и наблюдал, как наступала весна: в тот год снег сошел быстро, и земля не была залита лужами, как это часто бывает. Солнце начинало греть, на деревьях пели птицы, я сидел на лавочке, положив на колени трость, слушал пение скворцов и почему-то чувствовал себя стариком, повидавшим жизнь. Весной хочется жить, — а это был теплый апрель, и мне очень хотелось отдохнуть от всего, что увидел, оставить разведку хотя бы на время и снова податься в тихую и спокойную журналистику. Об этом я заговаривал с руководством, когда начальники навещали меня в больнице, и они морились: мол, нехорошо оставлять службу. Но я умело воспользовался неплохими связями в абвере — здесь опять помогли мои способности хамелеона, — и меня, пусть и с большим нежеланием, отпустили. С условием, что за мной будет вестись наблюдение, а работать в газете буду под псевдонимом. Что ж, не впервой.

Разумеется, ты можешь оставить разведку, но разведка никогда не оставит тебя. Бывших не бывает — это я знаю по себе. Один раз выбрав эту профессию, ты останешься с ней на всю жизнь. Даже сейчас я, шестидесятидвухлетний старик, не могу полностью избавиться от этого. Хотя бы потому, что булочником в лавке напротив, где я всегда по-

купаю хлеб, работает Рудольф Юнгханс. С ним я познакомился в 1938 году, когда он был в звании гауптшарфюрера. Иногда мы пьем пиво. О прошлом мы говорим редко.

В том же сентябре 1938 года обершарфюрер СС Георг Грейфе – мой хороший приятель с 1933 года, когда он преподавал в Германской высшей школе политики в Берлине, – предложил мне службу в СД. Тож же, к слову, за пивом. Вы, наверное, скажете, что слишком уж часто моя судьба вершилась за кружкой пива, и будете правы.

– Эти старики из абвера слишком консервативны, – говорил он, когда мы сидели в баре. – Они уверяют, будто в нашем деле не важна идеология, будто преданность фюреру не играет никакой роли. Так и говорят! Хороши защитники отечества, да? Щит и меч государства, черт бы их побрал. Завтра они наберут к себе недобитых тельмановских коммунистов, а послезавтра перенесут штаб-квартиру в синагогу!

– У нас не осталось синагог, – ухмыльнулся я.

– Построят и перенесут! – продолжал Грейфе, махнув рукой. – Ты правильно сделал, что ушел. Но нам нужны такие, как ты, Гельмут. Ты смел, умен, у тебя бесценный опыт Испании, – и нет, не смей морищить нос, когда я это говорю. Это правда. Я могу щелкнуть пальцем, и тебя возьмут на службу сразу же. И работы для тебя хватит. Уверяю, хватит. Скоро начнутся невероятные дела. Они уже начинаются. – Он сделал глоток пива и добавил: – Я знаю,

ты любишь конкретику. Да, это предложение. И даже не мое, я не настолько важная шишка. Тебя хочет руководство. Думай.

Я пил и слушал, слушал и пил. Я сказал, что подумаю, но уже знал, что соглашусь.

Потому что бывших не бывает.

** * **

Москва, 17 июня 1941 года, 8:30

В половине девятого утра на Киевском вокзале уже было жарко и людно. Мимо проносились взмыленные встречающие, боящиеся опоздать к прибытию, из вагонов вываливались толстые приезжие с красными лицами; бабушки продавали пирожки и бублики, милиционеры в белых гимнастерках лениво прохаживались по вокзалу и периодически останавливали гостей для проверки документов.

Перед отъездом Сафонов так и не смог заснуть. Предыдущие ночи тоже выдались бессонными: он ворочался на пропитанной потом простыне, вставал курить у открытого окна, снова ложился – кровать успевала остыть, – нащупывал под подушкой рукоять нагана и опять пытался уснуть, но удавалось это с огромным трудом, на пару часов. Когда звенел будильник, ему казалось, что он только успел прикрыть глаза.

Он вспомнил панику Кестера и понял, что от похожего со-

стояния его отделяли бы еще сутки такого режима. Все говорило о том, что нужно быть крайне осторожным, что его если не раскрыли, то раскроют в ближайшее время; и если Сальгадо так и не узнал его на той встрече, то скоро узнает. И даже если все это было чудовищным совпадением, оно не приведет ни к чему хорошему, думал Сафонов, стоя с широким коричневым чемоданом у перрона и закуривая пятую за день папиросу.

Самое ужасное было в том, что Сафонову так и не удалось понять, узнал его Сальгадо или нет. На работе все было спокойно, Костевич не менялся в лице и по-прежнему грубовато шутил. На прощание он обнял его и попросил привезти из Брянска водки.

Еще со времен Испании Сафонов научился постоянно отмечать для себя состояние мышц: насколько они напряжены или расслаблены. Уже три дня подряд все его тело будто скручивалось в бараний рог от страшной тревоги, иногда предательски холодели ноги и колотилось сердце. После пробуждения ему даже не нужно было пить кофе для бодрости.

«Постоянно на взводе, все время на взводе, как же это невыносимо», — думал он.

Докурив, Сафонов расстегнул пиджак, вытер капли пота со лба, поправил челку и присел на парапет. Бессонница давала о себе знать учащенным сердцебиением и дергающимся правым веком. Он спрятал лицо в ладонях, закрыл глаза и снова попытался обдумать все, выявить хоть какие-нибудь

детали, понять, что к чему и что с этим делать. Мозг отказывался работать.

«Нельзя верить в совпадения, совсем нельзя, никак нельзя. Зачем Сальгадо появился на этом вечере? Знал ли он обо мне заранее? Я не могу понять этого. Почему майор Орловский? Зачем Сальгадо вообще упомянул о нем? С другой стороны, если бы они уже вели меня, то логично было бы все же вести себя поосторожнее – они ведь понимают, что в этом случае я почувствую слежку. А может, им и надо, чтобы я почувствовал слежку? Вряд ли. Это бессмысленно. *Эти* не любят играть, они выслеживают, осторожно подбираются, а потом ловко и неожиданно берут. А потом ловко и неожиданно берут, – повторил Сафонов свою мысль, и ему опять стало страшно. – Спокойно, спокойно. Не надо уподобляться Кестеру. Скоро мой поезд. Я сяду в него и, наверное, даже посплю. Тогда у меня будет лучше работать мозг, и я что-нибудь придумаю. В любом случае, меня еще не взяли. А может, меня ждут в Брянске? Да что ж такое, черт возьми».

Наконец подали поезд; Сафонов схватил чемодан и направился к своему вагону, который отличался от остальных: выкрашен в оранжевый, белые занавески за окнами, надпись «Спальный вагон прямого сообщения». Белые занавески манили и обещали уют. Возможно, даже сон. Долгий, крепкий сон. Только бы не проспять станцию Калинова Яма, – но можно будет попросить проводника, чтобы разбудил.

Горячий, терпкий, тягуче-дегтярный запах рельсов радо-

вал и будоражил его. Он шел по платформе, слегка ускоряя шаг; мимо пробежали тучные украинцы в белых вышиванках, бодрые красноармейцы, какой-то хмурый кавказец в светлом костюме, женщины, пионеры...

Жара сменилась прохладой вагона, и Сафонов вдохнул полной грудью: ему становилось легче. Он прошел в свое купе – соседа еще не было, – положил чемодан на багажное место и уселся возле окна.

Выдохнул.

Поезд отправится через полчаса.

«Слишком быстро меняется настроение, – подумалось ему. – Это нехорошо, этого не надо, это говорит о том, что я мало отдыхал».

В купе заглянул проводник в темно-синем кителе с петлицами НКПС¹⁵. Лицо его было загорелым, гладко выбритым, с маленьким подбородком и высоким лбом. Из-под фуражки выбивались темные волосы.

– Доброе утро, товарищ. Желаете чаю или кофе?

– Да, я бы хотел чаю, – ответил Сафонов. – С сахаром.

Две ложки.

– Хорошо. Пирожные, бутерброды? С сыром, с колбасой.

– Да, бутерброд с колбасой. И... есть ли у вас минеральная вода?

– Да, конечно, с газом и без газа.

– С газом, пожалуйста.

¹⁵ Народный комиссариат путей сообщения.

– Девяносто копеек.

– Хорошо.

– Сейчас принесу.

Проводник удалился. Сафонов вдруг понял, что совершенно не озаботился мелочью: в бумажнике были только пятирублевки и червонцы.

Вдруг он вспомнил, что несколько дней назад какая-то бабышня отдала ему найденную на улице трехрублевку. Да вот же она, в заднем кармане брюк. Он даже не вытаскивал ее, совсем забыл.

Сафонов достал трехрублевку, развернул ее и замер.

Прямо поперек зеленого красноармейца было начертано темно-синей перьевой ручкой:

Не верь Третьякову. Он врет. Все пошло не так.
Срочно зайди ко мне домой.

Вавилин

Сафонов с минуту смотрел на трехрублевку, ничего не понимая. Его руки дрожали.

Так, спокойно. Вдохнуть, выдохнуть. Вдохнуть, выдохнуть.

Черт!

Он смял купюру в кулаке.

Вдохнул, выдохнул.

Снова развернул. Надпись не исчезла. Не померещилось. Это точно был почерк Вавилина, он хорошо знал его.

Все было не просто плохо, все было очень плохо. Значит,

все самое худшее, о чем думал Сафонов, было правдой. Значит, Кестер не просто так паниковал. Что с ним случилось? Его убили в ту же ночь? Взяли? Взяли утром? Почему Третьяков врал? Он завербован? Или изначально был с ними? Или его тоже взяли?

– Да что же происходит, – сказал Сафонов беззвучно, одними губами.

Он откинулся на спинку сиденья.

«Господи, какой же я дурак, какой же я идиот, какая же я бестолочь, ну надо же так, ну нельзя же так, ну почему я так».

От злобы на себя он закусил губу.

«Почему, почему я сразу не развернул эту бумажку, почему. Ведь должно же было меня это насторожить, но почему-то не насторожило. Расслабился на летнем солнышке? Разнежился? Отупел от жары? Совсем испортился, а ведь был профессионал, да что ж такое, черт, черт, черт бы побрал все это».

В дверях вновь появился проводник с подносом. Он поставил на столик чай в подстаканнике, бутерброд на блюде и бутылку минералки.

– Прошу прощения, – поднял голову Сафонов. – Но у меня нет мелочи. У вас найдется сдача с пяти рублей?

– Да, конечно, – улыбнулся проводник.

– А еще, пожалуйста, – он с трудом подбирал слова, – у меня к вам большая просьба.

– Да?

Сафонов вдруг понял, что говорит очень медленно и рассеянно, и снова попытался взять себя в руки.

– Мне нужно будет выйти на станции Калинова Яма. Ненадолго. Разбудите меня, пожалуйста, когда будем подъезжать к ней, хорошо?

– Да, конечно, – невозмутимо ответил проводник.

Сафонов медленно достал из кармана бумажник, вытащил пятирублевую купюру, уронил ее на пол – разжались пальцы, – поднял, протянул проводнику. Тот посмотрел на него с озабоченным лицом.

– Может быть, вам принести таблетку от головной боли? Вы выглядите нездоровым. С вами все в порядке? – спросил он.

– Все хорошо. – Сафонов попытался улыбнуться. – Я просто очень хочу спать.

– Тогда спите, – мягким голосом ответил проводник. – Я разбужу вас, когда мы будем подъезжать к станции Калинова Яма. Сдачу положу на стол. Вы в купе один, попутчика у вас не будет. Никто не помешает вашему сну.

Голос его был добрым и теплым.

– Да, хорошо. Спасибо.

Проводник вышел и закрыл за собой дверь купе.

Сафонов сделал глоток чая, поставил стакан на стол и прислонился лицом к стеклу. Он решил, что не поедет в Брянск. Он выйдет на станции Калинова Яма, возьмет у связ-

ного шифр и передатчик и отправит шифровку. Он напишет: «Выполнить задание не представляется возможным. За мной слежка. Скорее всего, я раскрыт. Возвращаюсь».

Да, он отправит эту шифровку и немедленно поедет в Берлин. Любым путем. Достаточно пересечь Белоруссию и обратиться к своим, и все будет хорошо. Его наверняка ждут в Брянске, но не дождутся. Руководство поймет. Они сами говорили, что при угрозе раскрытия лучше не геройствовать, а найти путь, чтобы вернуться обратно. Все. Никакого задания. Задание отменено. Он сам отменил себе задание, потому что выполнить его теперь невозможно. В конце концов, лучше вернуться с пустыми руками, чем лежать в яме с дыркой в голове.

В яме.

«Да, я все правильно придумал, – решил Сафонов. – План есть. Хорошо, когда есть план».

В этот момент поезд тронулся.

За окном медленно поплыли здания вокзала, спешащие люди, поезд у соседней платформы, заводские трубы, тягучее летнее марево, солнечные блики, дрожащий воздух, запах рельсов, и снова люди, и снова поезд, и трубы, и блики, и марево, и запахи, и облака, облака плыли высоко-высоко в синем небе и проплывали мимо, они уходили куда-то далеко, и все уходило куда-то далеко, и жара уходила, и поезд уходил, и ужасно хотелось спать, наконец-то спать, наконец-то в темноту, в сны, в теплое и уютное небытие.

Сафонов повесил пиджак на крючок, завалился на мягкую скамейку и закрыл глаза. Выдохнул, зевнул, облизнул пересохшие губы. Больше он не был московским журналистом Олегом Сафоновым. Он был немецким разведчиком, его звали Гельмут Лаубе.

Он спал.

* * *

Из статьи Карла Остенмайера «Зверь внутри» («Журнал о психотерапии и смежных областях».

№ 4. 1935)

У каждого человека, пусть даже внешне доброжелательного и отзывчивого, есть темная сторона. Иногда она почти невидима для окружающих, а зачастую и сам человек с удивлением обнаруживает ее в себе, совершив непоправимую ошибку. Некоторые называют это внутренним зверем. У кого-то он сильнее условно «светлой» стороны (я говорю «условно», потому что понятия добра и зла относительны), у кого-то слабее. Но зверь есть в каждом.

Люди, переживающие сложный период, иногда винят во всем его. Они говорят, что не в силах справиться со своей темной стороной, что тьма сильнее их. Чаще всего они просят помочь победить этого зверя и убить его. Темная сторона мешает им жить, приводит

к ужасным ситуациям. Человек, не справившийся с зовом своего зверя, делает больно другим людям, а в итоге и себе.

Но ответ я даю всегда один: зверя внутри не надо убивать. Надо приручить его и сделать союзником. Чтобы он не бросался на человека и его близких. Чтобы он ел только то, что ему дают, а в тяжелой ситуации пришел бы на помощь. Да, это возможно – со зверем внутри можно жить к взаимной выгоде, создав своеобразный симбиоз.

Как приручить зверя? В разных случаях это делается поразному. Как и у обычных зверей, у него – множество семейств и видов, и каждый из них уникален.

Соответственно, к каждому нужен свой подход. В этом и заключается тяжелейшая работа над собой. Сначала внутреннего зверя надо увидеть, оценить его размеры, описать его, понять, чего он хочет и чем дышит, – и только тогда приручать.

Есть только одно строжайшее правило: зверя нужно кормить. Иначе симбиоз не будет работать. Если не кормить, он съест вас.

Слушайте внутреннего зверя. Знайте его лучше, чем он знает вас. Кормите осторожно, чтобы не откусил вам палец. Он должен слушаться вас, а не вы его. И тогда он принесет вам пользу.

Если вы правильно приручите зверя, он даст вам сил, когда их, казалось бы, неоткуда взять. Он защитит вас и ваших близких и перегрызет горло врагам, когда это будет необходимо. А это, к сожалению, часто бывает

необходимо; жизнь поедает розовощеких и мягкотелых, как и зверь поедает тех, кто не смог с ним справиться.

* * *

Из воспоминаний Гельмута Лаубе

Запись от 5 марта 1967 года, Восточный Берлин

Пару месяцев назад, перебирая старые бумаги в гостях у Рудольфа Юнгханса, я вдруг нашел вырезку из краковской газеты Ilustrowany Kurjer Codzienny за 20 июня 1939 года. Это была статья о немецкой угрозе некоего То-маша Кач-марека. Это была моя статья.

Они хотят заполучить кусок нашей земли, который называют «польским коридором»¹⁶. Но не надо обманываться и думать, что если мы уступим им эти земли, если мы отдадим им Данциг, то они оставят нас в покое. Нет. Они хотят всю Польшу и даже не скрывают этого. Они хотят пройти победным маршем по нашим городам, как прошли в Чехословакии. Они хотят рабства для наших женщин и смерти для наших мужчин.

¹⁶ Польский коридор (также Поморское воеводство и Данцигский коридор) – с 1919 по 1939 год наименование польской территории, которая отделила Восточную Пруссию от основной территории Германии. Спор за эту территорию стал одним из поводов для нападения Германии на Польшу.

Неужели этим хищникам не хватило той кровавой мясорубки, устроенной ими же больше двух десятков лет назад? Неужели они хотят получить еще?

Что ж, если хотят – получают.

Мы все должны сплотиться перед лицом немецкой угрозы. Но этого мало. Надо бить превентивно – и так, чтобы у бешеного австрийского выскочки не возникло даже мысли о том, чтобы криво посмотреть в сторону польской границы. Мы должны быть решительными и непримиримыми. Мы должны гнать их без всякой жалости. Долг каждого поляка сейчас – увидев немца, плюнуть ему в лицо.

«У бешеного австрийского выскочки!» Когда я писал это, я безумно хохотал: когда еще тебе позволят писать такие вещи о фюрере!

Пожалуй, в Польше я проявил себя лучше всего. Это были золотые дни. Я занимался тем, что лучше всего умел. Мой язвительный язык никогда еще не получал столько свободы.

Наиболее яркие фрагменты из этих публикаций появлялись затем в германской прессе. Их комментировали в нашем Министерстве иностранных дел, их предъявляли англичанам и французам – мол, посмотрите на этих поляков, которые призывают плевать в лица немцам!

Особенно весело было работать с польскими националистами. Этих идиотов даже не надо было особенно провоцировать: достаточно было вовремя швырнуть парочку разо-

гревающих фраз, и они уже собирали антинемецкие митинги и чуть ли не готовились к погромам. Честное слово, если бы не полиция, они устроили бы в Кракове настоящую инквизицию для фольксдойче.

Именно такие настроения нам и были нужны. Разжигать войну было весело.

Ситуация вышла из-под контроля только один раз – когда в середине июня в Броновице поляки избили немецкую семью. Этот инцидент тут же был подхвачен нашей пропагандой.

С военной разведкой тоже не было особых проблем. Поляки – народ храбрый, но иногда до ужаса хвастливый. Если на каком-нибудь приеме поставить графин водки польскому офицеру, то уже через полчаса можно было доставать блокнот и записывать. Так, в июле я узнал местоположение военного аэродрома в Верхней Силезии, который даже не был занесен в наши карты. Эта информация тут же отправилась в Центр: аэродром разбомбили в первые часы войны.

Не все, однако, разделяли мой яростный антинемецкий запал. Во время работы в газете я сдружился (если вообще можно употребить это слово по отношению к разведчику) с репортером Анджеем Ожешко – добрым круглолицым блондином, любившим выпить и поесть. Вечером в конце июня – как раз после того, как вышла та самая статья, – мы с ним решили прогуляться по Кракову от Дворца печати,

где располагалась наша редакция, до набережной Вислы, где Анджей хотел встретиться с одним из своих далеких знакомых.

Был теплый летний день, дул свежий ветерок, с востока приближались облака. Ожеешко был встревожен и напуган. И, как всегда, разговорчив.

– Томаш, все-таки так нельзя, – говорил он, постоянно ускоряя шаг и монотонно жестикулируя правой рукой с зажатой в ней папирсой. – Да, немцы – враги, и да, они хотят войны, но зачем так писать? Неужели ты не понимаешь ответственности? Я понимаю: твои родители не заслужили такого, и поверь, я тоже ненавижу немцев, но зачем же вот так?

Согласно легенде, я родился в польской семье в Штеттине. В декабре тридцать восьмого моих родителей арестовало гестапо, а сам я бежал в Краков. Легенда готовилась долго, с душераздирающими газетными публикациями о несчастной семье Качмарек и даже со свидетельствами людей, которые якобы знали моих родителей.

– Неужели ты не понимаешь, что дразнишь их? – Ожеешко продолжал нервно жестикулировать. – Иногда я думаю: будь проклят наш польский гонор! Наше бряцанье оружием, наша воинственность – пока дело не дойдет до настоящей войны, все мы кажемся себе крылатыми гусарами. Поверь, Томаш, я не меньше тебя хочу увидеть польских солдат, марширующих по Берлину, но если можно обойтись без

этого, то зачем лишний раз дразнить немцев? Это опасная игра. Мы машем водяным пистолетиком под носом у опасного зверя.

— Без этого нельзя обойтись, — глухо отвечал я. — Война будет. Глупо рассчитывать, что все обойдется. После Чехословакии они вошли во вкус и теперь не остановятся.

— Как раковая опухоль. — Ожешко крепко закусил папиросу. — Томаш, я никогда не видел войну. И, если честно, не хочу ее видеть. Очень не хочу.

— Я тоже не видел, — соврал я. — И тоже не хочу.

Неторопливым прогулочным шагом мы прошли Старовисльну улицу и подошли к реке, откуда пахло студеной свежестью. У набережной, опершись на ограждение, стоял невысокий человек в слегка помятом костюме. Он обернулся к нам и помахал рукой Ожешко: видимо, это и был его знакомый. У него было плоское лицо с круглым носом, небольшие залысины на висках и немного оттопыренные уши. Когда мы подошли к нему, он энергично пожал руку Ожешко.

— Наконец-то, — сказал он. — Добрый день, пан Анджей. Я завтра еду в Германию и уже боялся, что не увидимся.

— Добрый день, пан Франтишек, — ответил Ожешко. — Томаш, это очень интересный человек. Это Франц Хониок, он живет в Силезии, но всей душой любит Польшу. Пан Франтишек, это журналист Томаш Качмарек. Вы наверняка читали его.

— Пан Качмарек! Какая приятная встреча! — Глаза Хо-

ниока заблестели, он пожал мне руку. — Я читал вас в газете, вы прямо ух! Так и хочется сесть на танк — и до Берлина! Я смутился.

— Что вы, самые обычные статьи. А вы не хотите переехать в Польшу? В Силезии вам может грозить опасность. Сейчас очень неспокойно.

— А, — Хониок махнул рукой. — Будь что будет! У меня там ферма. Неужели я брошу дело всей жизни? А что до Гитлера — да не пошел бы он к черту. Уверен, ему осталось недолго.

— Я же говорил, что среди немцев есть порядочные люди! — сказал Ожешко. — Порядочные и бесстрашные. Люди, в которых еще не заглох голос совести. А теперь пойдете к Пивной улице, там есть отличное заведение.

Весь вечер мы пили пиво и разговаривали. Хониок был интересным собеседником для силезского фермера.

Он рассказывал смешные деревенские истории и много шутил, а когда речь заходила о политике — громко проклинал Гитлера и желал победы польскому оружию.

— И пусть нашему доблестному вермахту здесь дадут такого пинка под зад, чтобы они драпали до самого Берлина! — говорил он, пил и смеялся, а затем вновь становился серьезен. — Знаете, когда я читаю немецкие газеты, мне иногда хочется рычать от злобы. Эта бешеная собака не понимает, что найдет здесь свой конец! И я уверяю вас: среди немцев намного больше порядочных людей, чем кажется.

Просто они задавлены, их не слышно, но они есть. И однажды они заявят о себе. Будьте уверены.

Я поддакивал и кивал. И все же мне он был неприятен, как неприятен любой человек, желающий поражения своей стране.

— Господи! — говорил Хониок, оглядывая кабак после глотка пива. — Каждый раз, когда я приезжаю сюда, я дышу воздухом свободы. Не смотрите, что я немец по паспорту: в душе я поляк. Сегодня мы все поляки. Все честные люди, оказавшиеся под тенью Гитлера.

— И все же лучшие бы вам переехать сюда насовсем, — заметил я. — Зачем по собственной воле жить в стране, которую вы не любите?

— Я люблю Германию! — возмутился Хониок. — То есть, как сказать... Я ненавижу германское правительство, армию, всех этих пропагандистов, всю эту тупую, серую массу, которая повелась на их слова о величии народа.

— Но ведь народ — это и есть страна. — Я не мог упустить случая немного поиздеваться над его логикой.

— Народ одурманен! — воскликнул Хониок. — Они ничего не понимают! Их загнали в стойло, а они только и рады размахивать руками и орать свое нелепое «Зиг хайль, зиг хайль».

Он поднял вверх руку и карикатурно изобразил нацистское приветствие, исказив голос, выпучив глаза и оттопырив губу.

– Идиоты, – продолжал он.

– Ну так переезжайте сюда! – повторил я.

– У меня там ферма, – опять смутился Хониок.

Мы сидели в пивной до позднего вечера. Хониок изрядно напился, и Ожешко решил отвести его до дома. Я пошел к себе пешком, поскольку жил совсем недалеко.

«Забавный парень», – думал я, идя по освещенным фонарями улицам Кракова.

Тогда я еще не знал, что Франц Хониок все-таки сыграет свою роль в истории. В конце лета его арестует гестапо. Тридцать первого августа его накачают наркотиками, переоденут в форму польских повстанцев и вместе с несколькими заключенными отвезут на радиостанцию в Глейвице. Здесь его застрелят. Труп бросят у входа в здание станции как одно из доказательств польского нападения. Вскоре тела Хониока и других заключенных найдет местная полиция¹⁷. Ночью новостные службы Германии сообщают о дерзком нападении поляков на границе. Утром, выступая с речью в Рейхстаге, Гитлер скажет: «Сегодня ночью Польша впервые стреляла по нашей территории, используя регулярную армию. Мы ответим огнем не позже пяти часов сорока пяти минут».

В это время вермахт уже будет наступать по всей границе. Начнется стрельба в Данициге. На города Велюнь, Хойниц, Старогард и Быдгощ упадут первые бомбы.

¹⁷ Так называемый «глейвицкий инцидент».

Поезд Москва – Брянск, 17 июня 1941 года

– Товарищ, мы подъезжаем к станции Калинова Яма.

Эти слова Гельмут слышал будто сквозь толщу воды. Кто-то легко толкнул его в плечо. Он неохотно повернул затекшую шею и с трудом разлепил глаза: над ним расплывалась фигура проводника.

Тело слушалось с трудом. Он заснул в неудобной позе, согнув ноги в коленях и прикрыв рукой лицо.

– Так быстро? – спросил Гельмут и понял, что голос его слаб, а губы пересохли.

– Что? – переспросил проводник.

Гельмут облизнул губы и повторил.

– Половина третьего, – невозмутимо ответил проводник. – Вы просили разбудить.

– Помню, помню. Встаю.

Гельмут свесил ноги и провел двумя ладонями по лицу. «Наверное, я сейчас выгляжу ужасно помятым», – подумал он. Когда он снова открыл глаза, проводника в купе уже не было. На столе стоял подстаканник с чаем, блюде с бутербродом и бутылка минеральной воды. Рядом была разбросана сдача – две на удивление новенькие, будто только из-под печатного станка, бумажки и несколько блестящих монет.

Он глянул в окно: лесной пейзаж сменялся лугами, полями и редкими деревянными домиками, поезд постепенно замедлял ход.

Гельмут схватил стакан обеими руками и сделал несколько жадных глотков чая. Как ни странно, он был еще горячим. Он выпил половину стакана, поставил на стол и сладко потянулся.

В купе стояла невыносимая жара. Очень хотелось спать. Все вокруг по-прежнему виделось будто сквозь легкую дымку.

Он взглянул на часы: уже 14:35. Через пять минут поезд будет на станции. Здесь нужно будет найти связного Юрьева. В голубой рубашке и серой кепке, да.

Учитывая сложившуюся ситуацию, никакого Брянска не будет: он выйдет прямо здесь и отправит шифровку о невозможности выполнить задание. Да, пароль, что-то про пирожки... «Где здесь можно купить пирожков с мясом», да. А отзыв – «Сам не могу найти, зато тут продается отличный квас». Отлично.

Только что проснувшийся мозг работал с огромным трудом. Гельмуту не хотелось думать о слежке, о задании, о своей работе, о грядущей войне – ему хотелось только окончательно сбросить туманный морок сонливости.

Он снова зевнул. Сделал еще глоток чая. Открыл бутылку минералки, немного выпил. Есть ему не хотелось.

Голова стала соображать немного лучше.

«Если я выйду на станции с чемоданом, это будет слишком подозрительно, – думал он. – Но в чемодане нет ничего важного – только плащ, пара обуви, несколько рубашек. Всем этим можно пренебречь. Пиджак тоже оставлю – слишком жарко».

Он вытащил из кармана пиджака бумажник и паспорт, сунил их в брюки.

Поезд ехал еще медленнее. Деревянных домиков за окном становилось больше, параллельно железной дороге протекала небольшая речка, на берегу которой сидел с удочкой парень в соломенной шляпе. Станция приближалась.

Наконец за окном появилась пыльная дорога и грузовик на обочине, двухэтажный кирпичный дом, за ним еще один, показалась заросшая травой и мхом платформа, и вот в поле зрения медленно всплыло здание станции.

Почему-то Гельмут именно так и представлял его: одноэтажное желтое здание с покатой крышей, полукруглой аркой входа и надписью чуть выше: «КАЛИНОВА ЯМА. 1939 г.».

«Совсем новая станция, – подумал он. – Интересно, что здесь было раньше».

Поезд, к тому времени уже идущий со скоростью пешехода, еле заметно дернулся и замер на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.